

Gerbiami 2019 m. Vertimų ir iliustracijų projekto „TAVO ŽVILGSNIS“ dalyviai! Mieli kolegos, mokytojai ir moksleiviai!

Skelbiame 2019 metų projekto „Tavo žvilgsnis“ registracijos pradžią ir kviečiame dalyvauti.

Palinkėkime vieni kitiems kantrybės ir išvermės mokantis ir mokant kalbų. Vėl mokymėms drauge suprasti vertimo meną, suvokti iliustracijos ir teksto darną, dalyvausime kūrybos procese.

Norėdami atkreipti dėmesį į Vertimų ir iliustracijų projekto „Tavo žvilgsnis“ naujoves, pateikiame detalizuotą informaciją. Į šiuo metu dažnai užduodamą klausimą dėl „atsakomybės už pasirinkto kūrinio iliustravimą“ atsakome, kad kūrinių iliustruoti gali patys vertėjai arba siūlo tą darbą atlikti kitam iliustruotojui.

Maloniai primename, kad sėkmingai atlikti vertimai, kaupiami gal jau ir ne vienerius metus, gali padidinti Jūsų galimybes stojant į aukštąsias mokyklas, laimint specialiuosius prizus.

1. Projekte gali dalyvauti 4-12 klasių moksleiviai, taip pat studentai.
2. Dalyviai galės versti iš anglų, rusų, prancūzų ir vokiečių kalbų į lietuvių kalbą.
3. Vertėjai gali dalyvauti dviejų (arba daugiau) kalbų programose, t.y. versti iš dviejų ar daugiau kalbų.
4. Visomis kalbomis bus pateikta po 6 skirtingų lygių tekstus (iš viso 24 tekstai), todėl kiekvienas galės pasirinkti tekstą pagal savo galimybes.
5. Pasirenkant tekstą rekomenduojame jį aptarti su mokytoju, darbo vadovu.
6. Iliustruotojai pasirenka tekstą ar daugiau. Iliustracijų technika ir formatas gali būti įvairūs.
7. Mokiniai, projekto dalyviai, turi galimybę išversti visus šešis pateiktus tekstus. Sėkmingai atlikęs darbą, projekto dalyvis tampa nugalėtoju ir gauna ilgojo teksto vertėjo diplomą, t.y. sėkmingas visų šešių tekstų vertimas yra vertinamas kaip vieno ilgojo teksto (didelės apimties) vertimas. Šešių tekstų vertimas įgauna svarbios reikšmės, kadangi atsiranda galimybė analizuoti ir versti skirtingų stilių tekstus. Verčiamas tekstas gali būti iliustruojamas. Norėdami atlikti šį darbą, projekto dalyviai registruojasi įprasta tvarka. Pažymime, jog šis darbas neturi būti kolektyvinis, t.y. kiekvienas dalyvis jį turi atlikti individualiai (tiek vertėjas, tiek ir iliustruotojas).
8. Projekto dalyviai gali savarankiškai pasirinkti tekstą (apysaką, apsakymą, straipsnį ar jo ištrauką, apimtį keletas puslapių) arba projekto rengėjų pasiūlytą tekstą ir išversti. Šis darbas neturi būti kolektyvinis, t.y. kiekvienas dalyvis jį turi atlikti individualiai. Vertėjas gali pats iliustruoti darbą arba siūlyti tą darbą atlikti kitam projekto dalyviui – iliustruotojui. Kiekvienas dalyvis (tiek vertėjas, tiek iliustruotojas) registruojasi įprasta tvarka (mokyklos teikiamoje bendroje paraiškoje arba individualiai).
9. Vieno dalyvio mokestis – 2,60 €. Jeigu tas pats dalyvis yra ir vertėjas, ir iliustruotojas, tai mokestis yra 5,20 €.
10. Mokyklos arba moksleiviai, nusprendę dalyvauti projekte, pateikia tik elektroninę paraišką, kurios forma yra svetainėje www.vkif.lt/registracija, ją reikiama sutvarko. Pažymėti paraiškoje būtina visas nurodytas eilutes. Neužpildžius kurios nors eilutės, paraiška nebus užregistruota, reikės ją siųsti dar kartą.
11. Elektroninėje paraiškoje turi atsispindėti:
 - pilnas švietimo įstaigos pavadinimas, adresas, telefonas, el. paštas,
 - projektui vadovaujančių mokytojų vardai, pavardės,
 - galimi kontaktai (telefonas, el. paštas),
 - projekte dalyvaujančių mokinių skaičius (vardinis sąrašas nebūtinai),
 - atskirai nurodyti vertėjų ir iliustruotojų skaičių (jeigu moksleivis dalyvauja ir vertimų, ir iliustracijų programose, tai jis atitinkamai įtraukiamas į abiejų programų dalyvių skaičių),
 - mokėjimo pavedimo numeris ir data.

12. Dalyvio mokestį prašome sumokėti:

Vaikų kūrybinės iniciatyvos fondui (j.k. 191359220)

LT41 7044 0600 0109 3617

AB SEB bankas

Mokėjimo paskirtyje įrašykite savo įstaigos pavadinimą

13. Paraiškų lauksime iki 2019-02-18.

14. 2019-01-10 fondo tinklalapyje www.vkif.lt skelbsime 2019 m. projekto tekstus ir detalią tolesnės projekto eigos informaciją.

15. Darbus atlikti (išversti ir iliustruoti) prašytume iki 2019-02-28.

16. Projekto nugalėtojams bus skiriami diplomai. Taip pat gali būti skiriami ir šio projekto įvairūs specialūs prizai (pavyzdžiui: išvykos ir kelionės).

Mokytojams, dalyvaujantiems projekte, – projekto vykdytojų pažymėjimai. Mokytojai taip pat gali pelnyti specialius prizus.

Kitiems projekto dalyviams – padėkos.

Rezultatus skelbsime 2019 metų gegužės mėnesį. 2019 metų vertimų ir iliustracijų projekto „Tavo žvilgsnis“ kūrybos almanacho elektroninė versija bus pateikta mūsų svetainėje www.vkif.lt/vaiku-kuryba/, kurioje rasite ir ankstesnių metų projekto nugalėtojų darbus.

17. Norime priminti visiems projektų dalyviams, jog mūsų svetainėje bus nuolat papildoma informacija apie 2019 m. vykdomus projektus bei 2018 m. projektų tęsinius. Maloniai kviečiame sekti mūsų informaciją.

18. Kilus neaiškumams, prašome teirautis tel. **8(5) 252 66 84 , 8 698 82445 arba 8 618 89503.**

Linkime sėkmės !

Sveikiname Vertimų ir iliustracijų projekto „TAVO ŽVILGSNIS“ dalyvius!

1. Pateikiame po 6 kiekvienos kalbos (anglų k., rusų k., vokiečių k. ir prancūzų k.) trumpuosius tekstus. Iš viso 24 tekstai.
2. Išversti trumpuosius tekstus siūlome iki 2019 m. vasario 28 d.
Projekto dalyvių pageidavimu registracijos laikas pratęsiamas iki 2019 m. vasario 18 d.
3. Moksleivis tekstą gali rinktis su mokytojo (darbo vadovo) pagalba, bet verčia jį **savarankiškai**.
4. Versdami tekstus moksleiviai gali naudotis žodynais. Darbas atliekamas rašant ranka arba kompiuteriu. Rašančius ranka prašytume tai daryti įskaitomai. Primename, jog tekste esantys eilėraščiai taip pat turi būti išversti (pažodinis arba poetinis vertimai).
5. Verčiant pasirinktą tekstą laikas nėra ribojamas.
6. Išverstus tekstus maloniai prašome išsiųsti vienu iš būdų:
 - a) elektroniniu vertimo lapu, kurio adresas yra <http://www.vkif.lt/darbu-siuntimas> (atsivertę šį puslapį, rasite vertimo vietą ir anketą, kurią reikia užpildyti ir išsiųsti; išsiuntę darbą, gausite patvirtinimą, kad vertimas gautas).
 - b) jei neturite galimybės naudotis elektroniniu vertimo lapu, išverstus tekstus galite siųsti ir Lietuvos paštu, adresu: *VKIF „Tavo žvilgsnis“, J.Jasinskio g. 16G, LT-01112 Vilnius*. Drauge su tekstais pateikiame unifikuotą vertimo lapo pavyzdį, kuriame yra anketinė dalis. Nepamirškite jos užpildyti. Tai yra vertimo švarraštis.
7. Šiais metais vertinant darbus dėmesys bus kreipiamas į kūrybinį vertėjo požiūrį, perteikiant mintis gimtąja kalba, kūrinio nuotakos atitikimą, gramatinės ir kalbos klaidas.
8. Pageidaujantys versti iš rusų kalbos moksleiviai, kurių rusų kalba yra gimtoji, į anketinės dalies 5,8 ir 9 klausimus atsako – „gimtoji kalba“.
9. Iliustruotojas neprivalo būti vertėjas. Iliustruotojas gali pasirinkti bet kurį tekstą. Su teksto turiniu, reikalui esant, gali padėti susipažinti mokytojai arba darbo vadovai.
10. Iliustravimo darbai gali būti atlikti įvairiomis technikomis, jie gali būti įvairiausių formatų. Darbus prašome siųsti iki 2019 m. vasario 28 d.
11. Iliustracijos originalą būtina siųsti Lietuvos paštu, adresu: *VKIF „Tavo žvilgsnis“, J.Jasinskio g. 16G, LT-01112 Vilnius*. Iliustracijas galite siųsti elektronine forma (jeigu darbas buvo kuriamas kompiuteriu), adresu: <http://www.vkif.lt/darbu-siuntimas>
12. Siunčiant originalą Lietuvos paštu būtina nurodyti autoriaus vardą ir pavardę, amžių, švietimo įstaigos pavadinimą pritvirtintame baltame 2,5 x 9 cm formato lapelyje, dešinėje piešinio pusėje. Kitoje (atvirkščioje) pusėje priklijuokite užpildytą anketinę dalį (kaip ir vertėjų), nepamiršdami nurodyti teksto, kurį iliustruojate.
13. **Vertinsime darbus tų mokyklų arba atskirų dalyvių, kurie pateikė elektronines paraiškas su reikiamais duomenimis.**
14. Geriausių darbų autoriams bus įteikti diplomai, kitiems dalyviams – padėkos, o mokytojams – projekto vykdytojo pažymėjimai.
15. Tie projekto dalyviai, kurie norėtų pelnyti ilgojo teksto vertėjo diplomą, **turi išversti siūlomą arba savarankiškai pasirinktą didesnės apimties tekstą arba visus šešis ta pačia kalba pateiktus trumpuosius tekstus**. Darbų atlikimo laikas – 2019 m. kovo 7 d. **Pasirinkus versti savarankiškai, būtina atsiųsti ne tik vertimą, bet ir jo originalą.**
16. Geriausių darbų autorių sąrašą skelbsime 2019 m. gegužės pabaigoje. Kad sąrašas būtų paskelbtas laiku, prašytume nevēluoti ir laiku pateikti atliktus darbus.
Rudenį šio VKIF projekto dalyvius pakviesime keliauti. Kelionė – tai dovana ir padėka pirmiausia tiems, kurių darbai šiame projekte buvo svarūs ir reikšmingi. Taip pat šiais metais projekto administracija rengia „Tavo žvilgsnio“ loteriją ir apdovanos vertingais prizais gausenį dalyvių būrį. Prizai atiteks tiems, kurių pavardės bus ištrauktos burtų keliu. Sąrašą skelbsime 2019 m. rugsėjo mėnesį.
17. Norėdami pasiteirauti skambinkite tel.: 8 (5) 2526684, 8 618 89503 arba 8 698 82445.
18. Jūsų atliekami VKIF projektų darbai gali tapti Brandos darbu arba jo kaupiamąja dalimi (priklausomai nuo Jūsų amžiaus), arba svariai prisidėti prie stojamojo balo tuo atveju, jeigu nuspręsite laikyti ir egzaminą, ir rašyti Brandos darbą.

**Dėkojame ilgamečiams „Tavo žvilgsnio“ dalyviams ir šio kalbų ir kultūros sąjūdžio naujokams.
Linkime drąsos ir didelės sėkmės!**

1. Švietimo įstaigos pavadinimas	
2. Moksleivio (-ės) vardas, pavardė (spausdintinėmis raidėmis)	
3. Mokytojo (darbo vadovo) vardas, pavardė	
4. Verčiama/ilustruojamo teksto pavadinimas (lietuvių kalba)	
5. Užsienio kalba, iš kurios verčiama/ilustruojama	
6. Moksleivio klasė/kursas	
7. Moksleivio amžius	
8. Tai Jūsų pirmoji ar antroji užsienio kalba? (pildo tik vertėjai)	
9. Užsienio kalbos mokymosi metai (pildo tik vertėjai)	

BIG RED by James Tobin

Today is Mark's first day at camp.
But Mark does not like camp.
He does not like the games that the boys and girls play.
He does not like the funny purple hat he has to put on.
Mark does not like one thing about camp.
"Hi, Mark. I am Bob," says a big man with a purple hat.
"How do you like camp?"
"I don't," Mark says.
"I want to go home today. I have a new kite. It is very beautiful blue and yellow one. It is my gift.
I want to fly it."
"I like to take you to see something first," Bob says.
"I want to take you to see a pretty red horse.
Come with me."
Mark walks with Bob.
Bob gets up on the horse.
"Do you like to take a ride?"
"Thank you, I do," Mark calls out.
Bob pulls Mark up on the horse.
The horse runs fast.
"Go, Big Red. Go!" Bob calls out to the horse.
"Go, Big Red. Go!" Mark says.
Big Red runs and runs.
The boys and girls in camp call out to the horse as it runs by.
"Go, Big Red. Go!"
Mark is laughing.
"Go, Big Red. Go!" Mark calls out.
A ride on Big Red is better than a ride on a slide.
It is better than a ride on a bike.
"Walk now, Big Red," Bob says to the horse.
Big Red pull up its head and starts to walk.
The boys and girls help Mark get down.
"Is the ride fun?" one girl asks Mark.
"It is," Mark says.
"Thank you, Big Red," Mark says to the horse.
"Thank you," Mark says to Bob.
"Do you want me to take you home today?" Bob asks.
"I am calling your mother and father."
"No, thank you, Bob.
Camp is great!"
Mark runs away to play with the boys and girls.

KID CAMPING by Patrick F. McManus

Emergency Kit

Never go into the woods without considering the possibility that you may become lost.

On even a short hike, you should carry these items: a jackknife, matches in a waterproof container, an extra sweater or heavy shirt, adhesive bandages, a flashlight, a police whistle, a small mirror, a compass, and a couple of candy bars. (A blast on the whistle will carry much farther in the woods than a shout. The mirror is used to flash a signal at search planes.) It's also a good idea to carry a lightweight waterproof jacket of some kind, and even a plastic sheet that can be used for a shelter. All of this emergency gear will fit neatly into a small day pack with plenty of room to spare. You'll scarcely know it's there until you need it.

Farms and Farmers

Farms make great places for kid camping. Probably 90 percent of my early kid camping was done on farms. If we happened to forget an important item, we could usually borrow it from the farmer or his wife. "Mrs. Jones," we would say to the farmer's wife, "we wonder if you could loan us some salt and a cup of sugar and a few of those hot cinnamon rolls." Sometimes we had to accept substitutes of apple pie or chocolate cake for the cinnamon rolls, but that was all right with us and we never complained.

You must always ask the farmer for permission to camp on his property. Find out what his rules are and obey them. Otherwise, he probably won't let you camp there again. As always, you want to clean up your campsite so well that it's almost impossible to tell that you ever camped there at all. Farmers become angry, and rightfully so, when people who use their property leave it looking like a garbage dump. Also, try not to bug the farmer any more than is necessary. He has work to do and doesn't have any time to be bugged.

Treat your farmer right and he will treat you right.

In all my life so far, the finest campsite I've ever had was on a neighbor's farm where two streams came together in a wood of pine, larch, birch, cedar, and fir. The streams contained cut-throat, rainbow, and eastern brook trout, most of which were only slightly smarter than we were. Beavers had built a nice series of dams on one of the streams, construction that the farmer wasn't particularly happy about, but which we kid campers highly favored. The backwater from the dams made a pleasant swamp for us to explore and generally fool about in. There were deer and even bear in the woods, along with the usual squirrels, chipmunks, rabbits, grouse, and a few hundred other kinds of wildlife. And it was all ours because most adult campers would never even think about camping on a farm.

If there are farms near your home, check them out and you'll find some great places to camp.

THE TUDORS

During the Tudor period the changes in government, society and the economy of England were more far-reaching than they had been for centuries. But most far-reaching of all were the changes in ideas, partly as a result of the rebirth of intellectual attitudes known as the Renaissance, which had spread slowly northwards from its beginnings in Italy. In England the nature of the Renaissance was also affected by the Protestant Reformation and the economic changes that followed from it.

DOMESTIC LIFE

Foreign visitors were surprised that women in England had greater freedom than anywhere else in Europe. Although they had to obey their husbands, they had self-confidence and were not kept hidden in their homes as women were in Spain and other countries. They were allowed free and easy ways with strangers. As one foreigner delightedly noticed, “You are received with a kiss by all, when you leave you are sent with a kiss. You return and kisses are repeated.”

However, there was a dark side to married life. Most women bore between eight and fifteen children, and many women died in childbirth. Those who did not saw half their children die at a young age. No one dared hope for a long married life because the dangers to life were too great. For this reason, and because marriage was often an economic arrangement, deep emotional ties often seem to have been absent. When a wife died, a husband looked for another.

Both rich and poor lived in small family groups. Brothers and sisters usually did not live with each other or with their parents once they had grown up. They tried to find a place of their own. Over half the population was under twenty-five, while few were over sixty. Queen Elizabeth reached the age of seventy, but this was unusual. People expected to work hard and to die young. Poor children started work at the age of six or seven.

An Italian visitor to England gives an interesting view of English society in Tudor times: “The English are great lovers of themselves, and of everything belonging to them; they think that there are no other men than themselves, and no other world but England: and whenever they see a handsome foreigner, they say that ‘he looks like an Englishman’.” The English did not love their children, he thought, for “having kept them at home till they arrive at the age of seven or nine years at the most, they put them out, boys and girls, to hard service in the houses of other people, holding them to seven or eight years’ hard service. They say they do it in order that their children might learn better manners. But I believe that they do it because they are better served by strangers than they would be by their own children.”

In spite of the hard conditions of life, most people had a larger and better home to live in than ever before. Chimneys, which before had only been found in the homes of the rich, were now built in every house. This technical development made cooking and heating easier and more comfortable. For the first time more than one room could be used in winter.

Between 1530 and 1600 almost everyone doubled their living space. After 1570 the wealthy yeoman’s family had eight or more rooms and workers’ families had three rooms instead of one, and more furniture was used than ever before.

One group of people suffered particularly badly during the Tudor period. These were the unmarried women. Before the Reformation many of these women could become nuns, and be assured that in the religious life they would be safe and respected. After the dissolution of the monasteries, thousands became beggars on the roads of England. In future an unmarried woman could only hope to be a servant in someone else’s house, or to be kept by her own family. She had little choice in life.

CONVERSATION

The art of conversation consists in the exercise of two fine qualities. You must originate, and you must sympathize; you must possess at the same time the habit of communicating and of listening attentively. The union is rare but irresistible. None but an excessively ill-bred person will allow her attention to wander from the person with whom she is conversing; and especially she will never, while seeming to be entirely attentive to her companion, answer a remark or question made to another person, in another group. Unless the conversation be general among a party of friends, confine your remarks and attention entirely to the person with whom you are conversing. Steele says, "I would establish but one great general rule in conversation, which is this—that people should not talk to please themselves, but those who hear them. This would make them consider whether what they speak be worth hearing; whether there be either wit or sense in what they are about to say; and whether it be adapted to the time when, the place where, and the person to whom, it is spoken."

Be careful in conversation to avoid topics which may be supposed to have any direct reference to events or circumstances which may be painful for your companion to hear discussed; you may unintentionally start a subject which annoys or troubles the friend with whom you may be conversing; in that case, do not stop abruptly, when you perceive that it causes pain, and, above all, do not make the matter worse by apologizing; turn to another subject as soon as possible, and pay no attention to the agitation your unfortunate remark may have excited. Many persons will, for the sake of appearing witty or smart, wound the feelings of another deeply; avoid this; it is not only ill-bred, but cruel.

Remember that having all the talk sustained by one person is not conversation; do not engross all the attention yourself, by refusing to allow another person an opportunity to speak, and also avoid the other extreme of total silence, or answering only in monosyllables.

If your companion relates an incident or tells a story, be very careful not to interrupt her by questions, even if you do not clearly understand her; wait until she has finished her relation, and then ask any questions you may desire. There is nothing more annoying than to be so interrupted. I have heard a story told to an impertinent listener, which ran in this way:—

"I saw a fearful sight——"

"When?"

"I was about to tell you; last Monday, on the train——"

"What train?"

and so on.

Never interrupt any one who is speaking. It is very ill-bred. If you see that a person to whom you wish to speak is being addressed by another person, never speak until she has heard and replied; until her conversation with that person is finished. No truly polite lady ever breaks in upon a conversation or interrupts another speaker.

Never, in speaking to a married lady, enquire for her husband, or, if a gentleman, ask for his wife. The elegant way is to call the absent party by their name; ask Mr. Smith how Mrs. Smith is, or enquire of Mrs. Jones for Mr. Jones, but never for "your husband" or "your wife." On the other hand, if you are married, never speak of your husband as your "lord," "husband," or "good man," avoid, also, unless amongst relatives, calling him by his Christian name. If you wish others to respect him, show by speaking of him in respectful terms that you do so yourself. If either your own husband or your friend's is in the army or navy, or can claim the Dr., Prof., or any other prefix to his name, there is no impropriety in speaking of him as the colonel, doctor, or whatever his title may be.

It is a mark of ill-breeding to use French phrases or words, unless you are sure your companion is a French scholar, and, even then, it is best to avoid them. Above all, do not use any foreign word or phrase, unless you have the language perfectly at your command. I heard a lady once use a Spanish quotation; she had mastered that one sentence alone; but a Cuban gentleman, delighted to meet an American who could converse with him in his own tongue, immediately addressed her in Spanish. Embarrassed and ashamed, she was obliged to confess that her knowledge of the language was confined to one quotation.

CHILDREN OF WILD AUSTRALIA

BLACKFELLOWS' "HOMES"

One of the first things of which a little child takes notice is its home. The pictures on the wall, the pretty things all around, the flowers in the garden are a source of ever-increasing delight to its growing consciousness. The older it grows the more it comes to know and love its home. Some of those who read this book will, perhaps, have very beautiful homes richly decked with all that art and money can supply, others will have smaller and plainer ones, but the children of wild Australia have scarcely anything that can be called a home at all.

A blackfellows' camp will consist of a number of the plainest and rudest huts that one can either imagine or describe. Sometimes there is not even a hut, but they live entirely in the open air on the bank of some creek or stream with merely a breakwind of boughs to keep off the wind and rain. During bad weather they will all huddle together as close to the breakwind as they can, whilst their limbs shake and their teeth chatter with cold.

More often, however, something in the way of a hut is made. A few pieces of stick, which will easily bend, will be driven into the ground, covered with sheets of bark and a few boughs and perhaps plastered over with mud. Sometimes, where kangaroos are plentiful, some dried skins will be used instead of bark and boughs. There will, of course, be nothing in the way of chairs or tables, a few skins and a pitchi or two will probably be the only furniture, but a miscellaneous assortment of odds and ends will lie around. Some eight or nine souls may claim the hut as home.

These huts are arranged according to a fixed plan. Some will face in one direction, some in another. Thus a man's hut must never face in the same direction as that of his mother-in-law and certain other of his relatives.

A native camp always has a most untidy appearance. All kinds of things are left lying about, but as the black people are very honest nothing is ever stolen. They will give their things away freely but they will never think of taking what is not their own. Most of their time is spent out of doors. They only use their huts in wet and windy weather or when the nights are cold. Their food is always cooked and eaten outside, and bones and all kinds of remnants are littered about everywhere, but as they usually have several dogs these things do not remain for long. How thankful you and I ought to be for our homes and our home comforts, however plain and humble those homes may be!

If food is becoming scarce the people will often leave their camp altogether and migrate further up the river where it is more plentiful, for their camps, you must remember, are nearly always built upon a river's bank. Sometimes there may have been heavy rain in one part of their country and very little in another. Then they will move to where grass and game are more plentiful. We expect our food to be brought to our home, but the blacks take their homes to their food. Sometimes after a death, too, they will desert their settlement and encamp elsewhere. The dead man may have been a very troublesome person to get on with when alive, and they think if they bury him near his old camp and then move away themselves his ghost will not know where to find them and they will be rid of him altogether. This frequent moving of their homes is in many ways a very good thing. If they stayed too long in one place their huts would soon become very insanitary and diseases would begin to work havoc among them.

In the camp the old man's word is law. They even decide what food may be eaten and what must be left alone. They manage to forbid all the more delicate morsels to all the younger members of the tribe and so secure the best of everything for themselves. Women and girls are of little account among them. They are in fact but the "hewers of wood and drawers of water" for the men, and their life is one of terrible and never-ending drudgery. The little girls, of course, do not have to work, but they are seldom made such pets of as are the little boys. At fourteen they are girls no longer and their life of drudgery begins.

OLD SULTAN by Brothers Grimm

A shepherd had a faithful dog, called Sultan, who was grown very old, and had lost all his teeth. And one day when the shepherd and his wife were standing together before the house the shepherd said, 'I will shoot old Sultan tomorrow morning, for he is of no use now.' But his wife said, 'Pray let the poor faithful creature live; he has served us well a great many years, and we ought to give him a livelihood for the rest of his days.' 'But what can we do with him?' said the shepherd, 'he has not a tooth in his head, and the thieves don't care for him at all; to be sure he has served us, but then he did it to earn his livelihood; tomorrow shall be his last day, depend upon it.'

Poor Sultan, who was lying close by them, heard all that the shepherd and his wife said to one another, and was very much frightened to think tomorrow would be his last day; so in the evening he went to his good friend the wolf, who lived in the wood, and told him all his sorrows, and how his master meant to kill him in the morning. 'Make yourself easy,' said the wolf, 'I will give you some good advice. Your master, you know, goes out every morning very early with his wife into the field; and they take their little child with them, and lay it down behind the hedge in the shade while they are at work. Now do you lie down close by the child, and pretend to be watching it, and I will come out of the wood and run away with it; you must run after me as fast as you can, and I will let it drop; then you may carry it back, and they will think you have saved their child, and will be so thankful to you that they will take care of you as long as you live.' The dog liked this plan very well; and accordingly so it was managed. The wolf ran with the child a little way; the shepherd and his wife screamed out; but Sultan soon overtook him, and carried the poor little thing back to his master and mistress. Then the shepherd patted him on the head, and said, 'Old Sultan has saved our child from the wolf, and therefore he shall live and be well taken care of, and have plenty to eat. Wife, go home, and give him a good dinner, and let him have my old cushion to sleep on as long as he lives.' So from this time forward Sultan had all that he could wish for.

Soon afterwards the wolf came and wished him joy, and said, 'Now, my good fellow, you must tell no tales, but turn your head the other way when I want to taste one of the old shepherd's fine fat sheep.' 'No,' said the Sultan; 'I will be true to my master.' However, the wolf thought he was in joke, and came one night to get a dainty morsel. But Sultan had told his master what the wolf meant to do; so he laid wait for him behind the barn door, and when the wolf was busy looking out for a good fat sheep, he had a stout cudgel laid about his back, that combed his locks for him finely.

Then the wolf was very angry, and called Sultan 'an old rogue,' and swore he would have his revenge. So the next morning the wolf sent the boar to challenge Sultan to come into the wood to fight the matter. Now Sultan had nobody he could ask to be his second but the shepherd's old three-legged cat; so he took her with him, and as the poor thing limped along with some trouble, she stuck up her tail straight in the air.

The wolf and the wild boar were first on the ground; and when they espied their enemies coming, and saw the cat's long tail standing straight in the air, they thought she was carrying a sword for Sultan to fight with; and every time she limped, they thought she was picking up a stone to throw at them; so they said they should not like this way of fighting, and the boar lay down behind a bush, and the wolf jumped up into a tree. Sultan and the cat soon came up, and looked about and wondered that no one was there. The boar, however, had not quite hidden himself, for his ears stuck out of the bush; and when he shook one of them a little, the cat, seeing something move, and thinking it was a mouse, sprang upon it, and bit and scratched it, so that the boar jumped up and grunted, and ran away, roaring out, 'Look up in the tree, there sits the one who is to blame.' So they looked up, and espied the wolf sitting amongst the branches; and they called him a cowardly rascal, and would not suffer him to come down till he was heartily ashamed of himself, and had promised to be good friends again with old Sultan.

MY FATHER'S DRAGON by Ruth Stiles Gannett

MY FATHER MEETS THE CAT

One cold rainy day when my father was a little boy, he met an old alley cat on his street. The cat was very drippy and uncomfortable so my father said, "Wouldn't you like to come home with me?"

This surprised the cat—she had never before met anyone who cared about old alley cats—but she said, "I'd be very much obliged if I could sit by a warm furnace, and perhaps have a saucer of milk."

"We have a very nice furnace to sit by," said my father, "and I'm sure my mother has an extra saucer of milk."

My father and the cat became good friends but my father's mother was very upset about the cat. She hated cats, particularly ugly old alley cats. "Elmer Elevator," she said to my father, "if you think I'm going to give that cat a saucer of milk, you're very wrong. Once you start feeding stray alley cats you might as well expect to feed every stray in town, and I am *not* going to do it!"

This made my father very sad, and he apologized to the cat because his mother had been so rude. He told the cat to stay anyway, and that somehow he would bring her a saucer of milk each day. My father fed the cat for three weeks, but one day his mother found the cat's saucer in the cellar and she was extremely angry. She whipped my father and threw the cat out the door, but later on my father sneaked out and found the cat. Together they went for a walk in the park and tried to think of nice things to talk about. My father said, "When I grow up I'm going to have an airplane. Wouldn't it be wonderful to fly just anywhere you might think of!"

"Would you like to fly very, very much?" asked the cat.

"I certainly would. I'd do anything if I could fly."

"Well," said the cat, "If you'd really like to fly that much, I think I know of a sort of a way you might get to fly while you're still a little boy."

"You mean you know where I could get an airplane?"

"Well, not exactly an airplane, but something even better. As you can see, I'm an old cat now, but in my younger days I was quite a traveler. My traveling days are over but last spring I took just one more trip and sailed to the Island of Tangerina, stopping at the port of Cranberry. Well, it just so happened that I missed the boat, and while waiting for the next I thought I'd look around a bit. I was particularly interested in a place called Wild Island, which we had passed on our way to Tangerina. Wild Island and Tangerina are joined together by a long string of rocks, but people never go to Wild Island because it's mostly jungle and inhabited by very wild animals. So, I decided to go across the rocks and explore it for myself. It certainly is an interesting place, but I saw something there that made me want to weep."

MY FATHER RUNS AWAY

"Wild Island is practically cut in two by a very wide and muddy river," continued the cat. "This river begins near one end of the island and flows into the ocean at the other. Now the animals there are very lazy, and they used to hate having to go all the way around the beginning of this river to get to the other side of the island. It made visiting inconvenient and mail deliveries slow, particularly during the Christmas rush. Crocodiles could have carried passengers and mail across the river, but crocodiles are very moody, and not the least bit dependable, and are always looking for something to eat. They don't care if the animals have to walk around the river, so that's just what the animals did for many years."

"But what does all this have to do with airplanes?" asked my father, who thought the cat was taking an awfully long time to explain.

"Be patient, Elmer," said the cat, and she went on with the story. "One day about four months before I arrived on Wild Island a baby dragon fell from a low-flying cloud onto the bank of the river. He was too young to fly very well, and besides, he had bruised one wing quite badly, so he couldn't get back to his cloud. The animals found him soon afterwards and everybody said, 'Why, this is just exactly what

we've needed all these years!" They tied a big rope around his neck and waited for the wing to get well. This was going to end all their crossing-the-river troubles."

"I've never seen a dragon," said my father. "Did you see him? How big is he?"

"Oh, yes, indeed I saw the dragon. In fact, we became great friends," said the cat. "I used to hide in the bushes and talk to him when nobody was around. He's not a very big dragon, about the size of a large black bear, although I imagine he's grown quite a bit since I left. He's got a long tail and yellow and blue stripes. His horn and eyes and the bottoms of his feet are bright red, and he has gold-colored wings."

"Oh, how wonderful!" said my father. "What did the animals do with him when his wing got well?"

"They started training him to carry passengers, and even though he is just a baby dragon, they work him all day and all night too sometimes. They make him carry loads that are much too heavy, and if he complains, they twist his wings and beat him. He's always tied to a stake on a rope just long enough to go across the river. His only friends are the crocodiles, who say 'Hello' to him once a week if they don't forget. Really, he's the most miserable animal I've ever come across. When I left I promised I'd try to help him someday, although I couldn't see how. The rope around his neck is about the biggest, toughest rope you can imagine, with so many knots it would take days to untie them all.

"Anyway, when you were talking about airplanes, you gave me a good idea. Now, I'm quite sure that if you were able to rescue the dragon, which wouldn't be the least bit easy, he'd let you ride him most anywhere, provided you were nice to him, of course. How about trying it?"

"Oh, I'd love to," said my father, and he was so angry at his mother for being rude to the cat that he didn't feel the least bit sad about running away from home for a while.

That very afternoon my father and the cat went down to the docks to see about ships going to the Island of Tangerina. They found out that a ship would be sailing the next week, so right away they started planning for the rescue of the dragon. The cat was a great help in suggesting things for my father to take with him, and she told him everything she knew about Wild Island. Of course, she was too old to go along.

Everything had to be kept very secret, so when they found or bought anything to take on the trip they hid it behind a rock in the park. The night before my father sailed he borrowed his father's knapsack and he and the cat packed everything very carefully. He took chewing gum, two dozen pink lollipops, a package of rubber bands, black rubber boots, a compass, a tooth brush and a tube of tooth paste, six magnifying glasses, a very sharp jackknife, a comb and a hairbrush, seven hair ribbons of different colors, an empty grain bag with a label saying "Cranberry," some clean clothes, and enough food to last my father while he was on the ship. He couldn't live on mice, so he took twenty-five peanut butter and jelly sandwiches and six apples, because that's all the apples he could find in the pantry.

When everything was packed my father and the cat went down to the docks to the ship. A night watchman was on duty, so while the cat made loud queer noises to distract his attention, my father ran over the gang-plank onto the ship. He went down into the hold and hid among some bags of wheat. The ship sailed early the next morning.

MY FATHER FINDS THE ISLAND

My father hid in the hold for six days and nights. Twice he was nearly caught when the ship stopped to take on more cargo. But at last he heard a sailor say that the next port would be Cranberry and that they'd be unloading the wheat there. My father knew that the sailors would send him home if they caught him, so he looked in his knapsack and took out a rubber band and the empty grain bag with the label saying "Cranberry." At the last moment my father got inside the bag, knapsack and all, folded the top of the bag inside, and put the rubber band around the top. He didn't look just exactly like the other bags but it was the best he could do.

Soon the sailors came to unload. They lowered a big net into the hold and began moving the bags of wheat. Suddenly one sailor yelled, "Great Scott! This is the queerest bag of wheat I've ever seen! It's all lumpy-like, but the label says it's to go to Cranberry."

The other sailors looked at the bag too, and my father, who was in the bag, of course, tried even harder to look like a bag of wheat. Then another sailor felt the bag and he just happened to get hold of

my father's elbow. "I know what this is," he said. "This is a bag of dried corn on the cob," and he dumped my father into the big net along with the bags of wheat.

This all happened in the late afternoon, so late that the merchant in Cranberry who had ordered the wheat didn't count his bags until the next morning. (He was a very punctual man, and never late for dinner.) The sailors told the captain, and the captain wrote down on a piece of paper, that they had delivered one hundred and sixty bags of wheat and one bag of dried corn on the cob. They left the piece of paper for the merchant and sailed away that evening.

My father heard later that the merchant spent the whole next day counting and recounting the bags and feeling each one trying to find the bag of dried corn on the cob. He never found it because as soon as it was dark my father climbed out of the bag, folded it up and put it back in his knapsack. He walked along the shore to a nice sandy place and lay down to sleep.

My father was very hungry when he woke up the next morning. Just as he was looking to see if he had anything left to eat, something hit him on the head. It was a tangerine. He had been sleeping right under a tree full of big, fat tangerines. And then he remembered that this was the Island of Tangerina. Tangerine trees grew wild everywhere. My father picked as many as he had room for, which was thirty-one, and started off to find Wild Island.

He walked and walked and walked along the shore, looking for the rocks that joined the two islands. He walked all day, and once when he met a fisherman and asked him about Wild Island, the fisherman began to shake and couldn't talk for a long while. It scared him that much, just thinking about it. Finally he said, "Many people have tried to explore Wild Island, but not one has come back alive. We think they were eaten by the wild animals." This didn't bother my father. He kept walking and slept on the beach again that night.

It was beautifully clear the next day, and way down the shore my father could see a long line of rocks leading out into the ocean, and way, way out at the end he could just see a tiny patch of green. He quickly ate seven tangerines and started down the beach.

It was almost dark when he came to the rocks, but there, way out in the ocean, was the patch of green. He sat down and rested a while, remembering that the cat had said, "If you can, go out to the island at night, because then the wild animals won't see you coming along the rocks and you can hide when you get there." So my father picked seven more tangerines, put on his black rubber boots, and waited for dark.

It was a very black night and my father could hardly see the rocks ahead of him. Sometimes they were quite high and sometimes the waves almost covered them, and they were slippery and hard to walk on. Sometimes the rocks were far apart and my father had to get a running start and leap from one to the next.

After a while he began to hear a rumbling noise. It grew louder and louder as he got nearer to the island. At last it seemed as if he was right on top of the noise, and he was. He had jumped from a rock onto the back of a small whale who was fast asleep and cuddled up between two rocks. The whale was snoring and making more noise than a steam shovel, so it never heard my father say, "Oh, I didn't know that was you!" And it never knew my father had jumped on its back by mistake.

For seven hours my father climbed and slipped and leapt from rock to rock, but while it was still dark he finally reached the very last rock and stepped off onto Wild Island.

MY FATHER FINDS THE RIVER

The jungle began just beyond a narrow strip of beach; thick, dark, damp, scary jungle. My father hardly knew where to go, so he crawled under a wahoo bush to think, and ate eight tangerines. The first thing to do, he decided, was to find the river, because the dragon was tied somewhere along its bank. Then he thought, "If the river flows into the ocean, I ought to be able to find it quite easily if I just walk along the beach far enough." So my father walked until the sun rose and he was quite far from the Ocean Rocks. It was dangerous to stay near them because they might be guarded in the daytime. He found a clump of tall grass and sat down. Then he took off his rubber boots and ate three more tangerines. He could have eaten twelve but he hadn't seen any tangerines on this island and he could not risk running out of something to eat.

My father slept all that day and only woke up late in the afternoon when he heard a funny little voice saying, "Queer, queer, what a dear little dock! I mean, dear, dear, what a queer little rock!" My father saw a tiny paw rubbing itself on his knapsack. He lay very still and the mouse, for it *was* a mouse, hurried away muttering to itself, "I must smell tumduddy. I mean, I must tell somebody."

My father waited a few minutes and then started down the beach because it was almost dark now, and he was afraid the mouse really would tell somebody. He walked all night and two scary things happened. First, he just had to sneeze, so he did, and somebody close by said, "Is that you, Monkey?" My father said, "Yes." Then the voice said, "You must have something on your back, Monkey," and my father said "Yes," because he did. He had his knapsack on his back. "What do you have on your back, Monkey?" asked the voice.

My father didn't know what to say because what would a monkey have on its back, and how would it sound telling someone about it if it did have something? Just then another voice said, "I bet you're taking your sick grandmother to the doctor's." My father said "Yes" and hurried on. Quite by accident he found out later that he had been talking to a pair of tortoises.

The second thing that happened was that he nearly walked right between two wild boars who were talking in low solemn whispers. When he first saw the dark shapes he thought they were boulders. Just in time he heard one of them say, "There are three signs of a recent invasion. First, fresh tangerine peels were found under the wahoo bush near the Ocean Rocks. Second, a mouse reported an extraordinary rock some distance from the Ocean Rocks which upon further investigation simply wasn't there. However, more fresh tangerine peels were found in the same spot, which is the third sign of invasion. Since tangerines do not grow on our island, somebody must have brought them across the Ocean Rocks from the other island, which may, or may not, have something to do with the appearance and/or disappearance of the extraordinary rock reported by the mouse."

After a long silence the other boar said, "You know, I think we're taking all this too seriously. Those peels probably floated over here all by themselves, and you know how unreliable mice are. Besides, if there had been an invasion, *I* would have seen it!"

"Perhaps you're right," said the first boar. "Shall we retire?" Whereupon they both trundled back into the jungle.

Well, that taught my father a lesson, and after that he saved all his tangerine peels. He walked all night and toward morning came to the river. Then his troubles really began.

MY FATHER MEETS A RHINOCEROS

My father soon found a trail leading away from the clearing. All sorts of animals might be using it too, but he decided to follow the trail no matter what he met because it might lead to the dragon. He kept a sharp lookout in front and behind and went on.

Just as he was feeling quite safe, he came around a curve right behind the two wild boars. One of them was saying to the other, "Did you know that the tortoises thought they saw Monkey carrying his sick grandmother to the doctor's last night? But Monkey's grandmother died a week ago, so they must have seen something else. I wonder what it was."

"I told you that there was an invasion afoot," said the other boar, "and I intend to find out what it is. I simply can't stand invasions."

"Nee meither," said a tiny little voice. "I mean, me neither," and my father knew that the mouse was there, too.

"Well," said the first boar, "you search the trail up this way to the dragon. I'll go back down the other way through the big clearing, and we'll send Mouse to watch the Ocean Rocks in case the invasion should decide to go away before we find it."

My father hid behind a mahogany tree just in time, and the first boar walked right past him. My father waited for the other boar to get a head start on him, but he didn't wait very long because he knew that when the first boar saw the tigers chewing gum in the clearing, he'd be even more suspicious.

Soon the trail crossed a little brook and my father, who by this time was very thirsty, stopped to get a drink of water. He still had on his rubber boots, so he waded into a little pool of water and was stooping down when something quite sharp picked him up by the seat of the pants and shook him very hard.

"Don't you know that's my private weeping pool?" said a deep angry voice.

My father couldn't see who was talking because he was hanging in the air right over the pool, but he said, "Oh, no, I'm so sorry. I didn't know that everybody had a private weeping pool."

"Everybody doesn't!" said the angry voice, "but I do because I have such a big thing to weep about, and I drown everybody I find using my weeping pool." With that the animal tossed my father up and down over the water.

"What—is it—that—you—weep about—so much?" asked my father, trying to get his breath, and he thought over all the things he had in his pack.

"Oh, I have many things to weep about, but the biggest thing is the color of my tusk." My father squirmed every which way trying to see the tusk, but it was through the seat of his pants where he couldn't possibly see it. "When I was a young rhinoceros, my tusk was pearly white," said the animal (and then my father knew that he was hanging by the seat of his pants from a rhinoceros' tusk!), "but it has turned a nasty yellow-gray in my old age, and I find it very ugly. You see, everything else about me is ugly, but when I had a beautiful tusk I didn't worry so much about the rest. Now that my tusk is ugly too, I can't sleep nights just thinking about how completely ugly I am, and I weep all the time. But why should I be telling you these things? I caught you using my pool and now I'm going to drown you."

"Oh, wait a minute, Rhinoceros," said my father. "I have some things that will make your tusk all white and beautiful again. Just let me down and I'll give them to you."

The rhinoceros said, "You do? I can hardly believe it! Why, I'm so excited!" He put my father down and danced around in a circle while my father got out the tube of tooth paste and the toothbrush.

"Now," said my father, "just move your tusk a little nearer, please, and I'll show you how to begin." My father wet the brush in the pool, squeezed on a dab of tooth paste, and scrubbed very hard in one tiny spot. Then he told the rhinoceros to wash it off, and when the pool was calm again, he told the rhinoceros to look in the water and see how white the little spot was. It was hard to see in the dim light of the jungle, but sure enough, the spot shone pearly white, just like new. The rhinoceros was so pleased that he grabbed the toothbrush and began scrubbing violently, forgetting all about my father.

Just then my father heard hoofsteps and he jumped behind the rhinoceros. It was the boar coming back from the big clearing where the tigers were chewing gum. The boar looked at the rhinoceros, and at the toothbrush, and at the tube of tooth paste, and then he scratched his ear on a tree. "Tell me, Rhinoceros," he said, "where did you get that fine tube of tooth paste and that toothbrush?"

"Too busy!" said the rhinoceros, and he went on brushing as hard as he could.

The boar sniffed angrily and trotted down the trail toward the dragon, muttering to himself, "Very suspicious—tigers too busy chewing gum, Rhinoceros too busy brushing his tusk—must get hold of that invasion. Don't like it one bit, not one bit! It's upsetting everybody terribly—wonder what it's doing here, anyway."

MY FATHER MEETS A LION

My father waved goodbye to the rhinoceros, who was much too busy to notice, got a drink farther down the brook, and waded back to the trail. He hadn't gone very far when he heard an angry animal roaring, "Ding blast it! I told you not to go blackberrying yesterday. Won't you ever learn? What will your mother say!"

My father crept along and peered into a small clearing just ahead. A lion was prancing about clawing at his mane, which was all snarled and full of blackberry twigs. The more he clawed the worse it became and the madder he grew and the more he yelled at himself, because it was himself he was yelling at all the time.

My father could see that the trail went through the clearing, so he decided to crawl around the edge in the underbrush and not disturb the lion.

He crawled and crawled, and the yelling grew louder and louder. Just as he was about to reach the trail on the other side the yelling suddenly stopped. My father looked around and saw the lion glaring at him. The lion charged and skidded to a stop a few inches away.

"Who are you?" the lion yelled at my father.

"My name is Elmer Elevator."

"Where do you think you're going?"

"I'm going home," said my father.

"That's what you think!" said the lion. "Ordinarily I'd save you for afternoon tea, but I happen to be upset enough and hungry enough to eat you right now." And he picked up my father in his front paws to feel how fat he was.

My father said, "Oh, please, Lion, before you eat me, tell me why you are so particularly upset today."

"It's my mane," said the lion, as he was figuring how many bites a little boy would make. "You see what a dreadful mess it is, and I don't seem to be able to do anything about it. My mother is coming over on the dragon this afternoon, and if she sees me this way I'm afraid she'll stop my allowance. She can't stand messy manes! But I'm going to eat you now, so it won't make any difference to you."

"Oh, wait a minute," said my father, "and I'll give you just the things you need to make your mane all tidy and beautiful. I have them here in my pack."

"You do?" said the lion. "Well, give them to me, and perhaps I'll save you for afternoon tea after all," and he put my father down on the ground.

My father opened the pack and took out the comb and the brush and the seven hair ribbons of different colors. "Look," he said, "I'll show you what to do on your forelock, where you can watch me. First you brush a while, and then you comb, and then you brush again until all the twigs and snarls are gone. Then you divide it up in three and braid it like this and tie a ribbon around the end."

As my father was doing this, the lion watched very carefully and began to look much happier. When my father tied on the ribbon he was all smiles. "Oh, that's wonderful, really wonderful!" said the lion. "Let me have the comb and brush and see if I can do it." So my father gave him the comb and brush and the lion began busily grooming his mane. As a matter of fact, he was so busy that he didn't even know when my father left.

MY FATHER MEETS A GORILLA

My father was very hungry so he sat down under a baby banyan tree on the side of the trail and ate four tangerines. He wanted to eat eight or ten, but he had only thirteen left and it might be a long time before he could get more. He packed away all the peels and was about to get up when he heard the familiar voices of the boars.

"I wouldn't have believed it if I hadn't seen them with my own eyes, but wait and see for yourself. All the tigers are sitting around chewing gum to beat the band. Old Rhinoceros is so busy brushing his tusk that he doesn't even look around to see who's going by, and they're all so busy they won't even talk to me!"

"Horsefeathers!" said the other boar, now very close to my father. "They'll talk to me! I'm going to get to the bottom of this if it's the last thing I do!"

The voices passed my father and went around a curve, and he hurried on because he knew how much more upset the boars would be when they saw the lion's mane tied up in hair ribbons.

Before long my father came to a crossroads and he stopped to read the signs. Straight ahead an arrow pointed to the Beginning of the River; to the left, the Ocean Rocks; and to the right, to the Dragon Ferry. My father was reading all these signs when he heard pawsteps and ducked behind the signpost. A beautiful lioness paraded past and turned down toward the clearings. Although she could have seen my father if she had bothered to glance at the post, she was much too occupied looking dignified to see anything but the tip of her own nose. It was the lion's mother, of course, and that, thought my father, must mean that the dragon was on this side of the river. He hurried on but it was farther away than he had judged. He finally came to the river bank in the late afternoon and looked all around, but there was no dragon anywhere in sight. He must have gone back to the other side.

My father sat down under a palm tree and was trying to have a good idea when something big and black and hairy jumped out of the tree and landed with a loud crash at his feet.

"Well?" said a huge voice.

"Well what?" said my father, for which he was very sorry when he looked up and discovered he was talking to an enormous and very fierce gorilla.

"Well, explain yourself," said the gorilla. "I'll give you till ten to tell me your name, business, your age and what's in that pack," and he began counting to ten as fast as he could.

My father didn't even have time to say "Elmer Elevator, explorer" before the gorilla interrupted, "Too slow! I'll twist your arms the way I twist that dragon's wings, and then we'll see if you can't hurry up a bit." He grabbed my father's arms, one in each fist, and was just about to twist them when he suddenly let go and began scratching his chest with both hands.

"Blast those fleas!" he raged. "They won't give you a moment's peace, and the worst of it is that you can't even get a good look at them. Rosie! Rhoda! Rachel! Ruthie! Ruby! Roberta! Come here and get rid of this flea on my chest. It's driving me crazy!"

Six little monkeys tumbled out of the palm tree, dashed to the gorilla, and began combing the hair on his chest.

"Well," said the gorilla, "it's still there!"

"We're looking, we're looking," said the six little monkeys, "but they're awfully hard to see, you know."

"I know," said the gorilla, "but hurry. I've got work to do," and he winked at my father.

"Oh, Gorilla," said my father, "in my knapsack I have six magnifying glasses. They'd be just the thing for hunting fleas." My father unpacked them and gave one to Rosie, one to Rhoda, one to Rachel, one to Ruthie, one to Ruby, and one to Roberta.

"Why, they're miraculous!" said the six little monkeys. "It's easy to see the fleas now, only there are hundreds of them!" And they went on hunting frantically.

A moment later many more monkeys appeared out of a near-by clump of mangroves and began crowding around to get a look at the fleas through the magnifying glasses. They completely surrounded the gorilla, and he could not see my father nor did he remember to twist his arms.

MY FATHER MAKES A BRIDGE

My father walked back and forth along the bank trying to think of some way to cross the river. He found a high flagpole with a rope going over to the other side. The rope went through a loop at the top of the pole and then down the pole and around a large crank. A sign on the crank said:

*TO SUMMON DRAGON, YANK THE CRANK
REPORT DISORDERLY CONDUCT
TO GORILLA*

From what the cat had told my father, he knew that the other end of the rope was tied around the dragon's neck, and he felt sorrier than ever for the poor dragon. If he were on this side, the gorilla would twist his wings until it hurt so much that he'd have to fly to the other side. If he were on the other side, the gorilla would crank the rope until the dragon would either choke to death or fly back to this side. What a life for a baby dragon!

My father knew that if he called to the dragon to come across the river, the gorilla would surely hear him, so he thought about climbing the pole and going across on the rope. The pole was very high, and even if he could get to the top without being seen he'd have to go all the way across hand over hand. The river was very muddy, and all sorts of unfriendly things might live in it, but my father could think of no other way to get across. He was about to start up the pole when, despite all the noise the monkeys were making, he heard a loud splash behind him. He looked all around in the water but it was dusk now, and he couldn't see anything there.

"It's me, Crocodile," said a voice to the left. "The water's lovely, and I have such a craving for something sweet. Won't you come in for a swim?"

A pale moon came out from behind the clouds and my father could see where the voice was coming from. The crocodile's head was just peeping out of the water.

"Oh, no thank you," said my father. "I never swim after sundown, but I do have something sweet to offer you. Perhaps you'd like a lollipop, and perhaps you have friends who would like lollipops, too?"

"Lollipops!" said the crocodile. "Why, that is a treat! How about it, boys?"

A whole chorus of voices shouted, "Hurrah! Lollipops!" and my father counted as many as seventeen crocodiles with their heads just peeping out of the water.

"That's fine," said my father as he got out the two dozen pink lollipops and the rubber bands. "I'll stick one here in the bank. Lollipops last longer if you keep them out of the water, you know. Now, one of you can have this one."

The crocodile who had first spoken swam up and tasted it. "Delicious, mighty delicious!" he said.

"Now if you don't mind," said my father, "I'll just walk along your back and fasten another lollipop to the tip of your tail with a rubber band. You don't mind, do you?"

"Oh no, not in the least," said the crocodile.

"Can you get your tail out of the water just a bit?" asked my father.

"Yes, of course," said the crocodile, and he lifted up his tail. Then my father ran along his back and fastened another lollipop with a rubber band.

"Who's next?" said my father, and a second crocodile swam up and began sucking on that lollipop.

"Now, you gentlemen can save a lot of time if you just line up across the river," said my father, "and I'll be along to give you each a lollipop."

So the crocodiles lined up right across the river with their tails in the air, waiting for my father to fasten on the rest of the lollipops. The tail of the seventeenth crocodile just reached the other bank.

MY FATHER FINDS THE DRAGON

When my father was crossing the back of the fifteenth crocodile with two more lollipops to go, the noise of the monkeys suddenly stopped, and he could hear a much bigger noise getting louder every second. Then he could hear seven furious tigers and one raging rhinoceros and two seething lions and one ranting gorilla along with countless screeching monkeys, led by two extremely irate wild boars, all yelling, "It's a trick! It's a trick! There's an invasion and it must be after our dragon. Kill it! Kill it!" The whole crowd stampeded down to the bank.

As my father was fixing the seventeenth lollipop for the last crocodile he heard a wild boar scream, "Look, it came this way! It's over there now, see! The crocodiles made a bridge for it," and just as my father leapt onto the other bank one of the wild boars jumped onto the back of the first crocodile. My father didn't have a moment to spare.

By now the dragon realized that my father was coming to rescue him. He ran out of the bushes and jumped up and down yelling. "Here I am! I'm right here! Can you see me? Hurry, the boar is coming over on the crocodiles, too. They're all coming over! Oh, please hurry, hurry!" The noise was simply terrific.

My father ran up to the dragon, and took out his very sharp jackknife. "Steady, old boy, steady. We'll make it. Just stand still," he told the dragon as he began to saw through the big rope.

By this time both boars, all seven tigers, the two lions, the rhinoceros, and the gorilla, along with the countless screeching monkeys, were all on their way across the crocodiles and there was still a lot of rope to cut through.

"Oh, hurry," the dragon kept saying, and my father again told him to stand still.

"If I don't think I can make it," said my father, "we'll fly over to the other side of the river and I can finish cutting the rope there."

Suddenly the screaming grew louder and madder and my father thought the animals must have crossed the river. He looked around, and saw something which surprised and delighted him. Partly because he had finished his lollipop, and partly because, as I told you before, crocodiles are very moody and not the least bit dependable and are always looking for something to eat, the first crocodile had turned away from the bank and started swimming down the river. The second crocodile hadn't finished yet, so he followed right after the first, still sucking his lollipop. All the rest did the same thing, one right after the other, until they were all swimming away in a line. The two wild boars, the seven tigers, the rhinoceros, the two lions, the gorilla, along with the countless screeching monkeys, were all riding down the middle of the river on the train of crocodiles sucking pink lollipops, and all yelling and screaming and getting their feet wet.

My father and the dragon laughed themselves weak because it was such a silly sight. As soon as they had recovered, my father finished cutting the rope and the dragon raced around in circles and tried to turn a somersault. He was the most excited baby dragon that ever lived. My father was in a hurry to fly away, and when the dragon finally calmed down a bit my father climbed up onto his back.

"All aboard!" said the dragon. "Where shall we go?"

"We'll spend the night on the beach, and tomorrow we'll start on the long journey home. So, it's off to the shores of Tangerina!" shouted my father as the dragon soared above the dark jungle and the muddy river and all the animals bellowing at them and all the crocodiles licking pink lollipops and grinning wide grins. After all, what did the crocodiles care about a way to cross the river, and what a fine feast they were carrying on their backs!

As my father and the dragon passed over the Ocean Rocks they heard a tiny excited voice scream, "Bum cack! Bum cack! We dread our nagon! I mean, we need our dragon!"

But my father and the dragon knew that nothing in the world would ever make them go back to Wild Island.

BONIFACIO

"Au sud du sud, la nature et l'homme se sont mis en harmonie pour édifier cette perle de la Méditerranée"

Au sud du sud, dans les bouches de Bonifacio, les îles Lavezzi, faites de gros rochers, de petites criques de sable blanc et d'eau turquoise ont été le théâtre d'une multitude de naufrages. Le plus célèbre fut celui de "la Sémillante" en 1855, qui se rendant à Sébastopol en Crimée fut prise dans une terrible tempête et s'écrasa sur les récifs. Aucun des 750 marins ne survécut. Un petit cimetière fut édifié, sur l'île où la plupart d'entre eux furent inhumés. Ce drame n'était malheureusement pas le premier, pour preuve, le nombre important d'épaves, chargées d'amphores, découvertes sur les mêmes lieux. En hiver, ces parages paraissent souvent inhospitaliers mais dès le retour des beaux jours, les plages sont de nouveau très accueillantes. Elles sont fréquentées par des Italiens venus de la Sardaigne toute proche, des plaisanciers y font escale et des navettes en provenance de Bonifacio déposent tous les matins des touristes pour la journée.

La nature et l'homme se sont mis en harmonie pour édifier cette perle de la Méditerranée qui en surprendra plus d'un. Il faut monter dans la vieille ville, parcourir ces rues étroites où les maisons sont construites en aplomb sur la mer, visiter la marine et se laisser dominer par l'imposante citadelle de la cité du sud. Une promenade en bateau vous sera proposée, il faut la faire sans hésitation.

Qui des hommes ou du vent a pris l'initiative de construire la ville de Bonifacio ?

Probablement un peu les deux, le vent a façonné la falaise et les hommes se sont adaptés en construisant avec talent, une fois n'est pas coutume, une cité magnifique.

Convoitée jadis par les principaux souverains d'Europe, cette cité médiévale fut longtemps une ville libre, vivant de piraterie, avant de devenir une colonie Génoise.

Edifiée sur une magnifique falaise blanche, haute de plus de soixante mètres, battue par les vents et les vagues, elle semble isolée du reste de l'île, comme un "bout du monde", par un vaste et aride plateau calcaire.

Bonifacio se divise en deux quartiers, la marine et la haute ville.

Enfermée dans ses fortifications, juchée sur un étroit promontoire, empreinte d'une atmosphère moyenâgeuse, la haute ville offre un spectacle saisissant vu de la mer, avec ses imposants remparts et ses vieilles maisons agglutinées à l'extrémité de la falaise.

Placée sous la protection de Saint Erasme, patron des navigateurs, la marine s'étire le long du port. Elle est le refuge des pêcheurs et des plaisanciers. C'est aussi le point de départ des promenades en mer, à la découverte d'un environnement marin exceptionnel.

Si autrefois, la montagne ignorait la mer, il en est tout autrement aujourd'hui. L'aménagement de nombreux itinéraires, favorisé par un tourisme à la recherche d'authenticité, permet de découvrir au cours d'une même journée les bergeries de Naseo et la plage de "Cala di Furnellu".

Cette région très peu urbanisée a gardé toute sa richesse naturelle. Une végétation dense interdit une pénétration sauvage, préserve la qualité des eaux et donne au visiteurs l'impression délicieuse de se baigner dans une mer protégée des agressions du modernisme. Monumentale sculpture naturelle de granit, le Lion de Roccapina, règne depuis la nuit des temps sur cette côte rocheuse, symbolisant à ce refus d'une évolution anarchique où la nature n'aurait plus sa place.

Sur ce rivage, guidé par des vents amis et complices vous découvrirez en solitaire une multitude de sites dont les noms mélodieux sont déjà une invitation au dépaysement...

Conca, Mortoli, Tizzano, Cala Longa, Senetosa, Cala d'Agulia... anses profondes... pointes sauvages... le vent a effilé ou creusé selon son inspiration des endroits de rêve. Seul, nous oublions tout pour ne retenir que l'essentiel, la simplicité, la beauté. Nous redevenons nous-mêmes, dans ces lieux qui nous transportent et nous ramènent à l'originel : la nature.

AU-DELA DU GRAND OCEAN

Vendredi 3 août 1492. Trois petits vaisseaux, des caravelles, quittent le port de Palos, en Espagne. Une grande aventure commence : la traversée de l'Atlantique. Au terme de leur voyage, les hommes qui partent ce jour-là, sous le commandement du Génois Christophe Colomb, toucheront, sans le savoir, un continent encore inconnu : l'Amérique. La plus grande découverte géographique de tous les temps !

L'Amérique ? Comment les Européens du 15e siècle auraient-ils pu l'imaginer ? Il y a encore peu de temps, la plupart d'entre eux croyaient que notre planète était plate. Pour eux, le monde se limite à la Méditerranée, cette mer que des navires sillonnent depuis l'Antiquité d'une rive à l'autre.

Au-delà s'étend l'« Océan », immense et inquiétant, avec ses terribles tempêtes et ses énormes vagues. Des légendes racontent que des îles mystérieuses y sont habitées par des êtres monstrueux, à corps de poisson ou à plusieurs têtes. Mais on ignore si de grandes terres s'y trouvent, et si elles sont peuplées. Saint Augustin n'avait-il pas affirmé au 5e siècle qu'aucun homme ne pouvait vivre de l'autre côté de la Terre, car alors il aurait marché la tête en bas, ce qui est bien sûr impossible ?

Pourtant, des voyageurs ont voulu aller voir plus loin et ont relaté, souvent très précisément, ce qu'ils ont pu observer.

Ces voyageurs disent tous que des terres s'étendent très loin vers l'est. Mais l'est, que représente-t-il à cette époque ?

Aujourd'hui, nous savons où se trouve exactement la Cambaluc de Marco Polo, et nous pouvons calculer le temps qu'il nous faudra pour y arriver.

Pour les hommes du 15e siècle, ce voyage évoque des années d'aventures, des marches épuisantes dans les déserts brûlants et les montagnes gelées, des chevauchées harassantes sur des terres inconnues, des rencontres avec des peuples mystérieux, des dangers imprévisibles, la mort parfois. Le trajet par mer serait sans doute beaucoup plus sûr, et plus rapide. Dès le début du siècle, des marins ont entrepris de descendre toujours plus loin le long de la côte de l'Afrique. Ils cherchent le fameux passage maritime par l'est, vers ces régions où se trouve le pays des épices et de l'or.

Là-bas, dit-on, poussent des arbres chargés de fruits rares et de fleurs, l'air embaume des parfums du poivre et de la cannelle. Ces épices, les Européens les connaissent et les utilisent pour assaisonner leurs aliments et surtout pour fabriquer des médicaments. Or, pour l'instant, ils en sont souvent privés. Car les musulmans, qui ont pris Constantinople en 1453, arrêtent les caravanes d'Orient et contrôlent très sévèrement le trafic des épices. On ne peut espérer en profiter à nouveau qu'en trouvant la route maritime des Indes fabuleuses.

Là-bas aussi, ont raconté les voyageurs, se trouvent des mines d'or, des sables chargés de pépites, des coffres remplis de bijoux et de pierres de grand prix.

Des montagnes d'or, cet or dont les marchands ont de plus en plus besoin pour commercer et les riches seigneurs pour leurs bijoux.

Marco Polo lui-même n'écrivait-il pas qu'il avait vu un grand palais « tout couvert d'or fin comme nos églises de plomb... Et encore les pavements sont tout d'or, en dalles épaisses de bien deux doigts ; et les fenêtres aussi sont d'or fin...

On y trouve enfin beaucoup de pierres précieuses... » ?

Il y a vraiment là de quoi nourrir bien des espoirs !

Mais les capitaines des expéditions lointaines ne cherchent pas seulement des épices et de l'or. Ils comptent aussi ramener des hommes. Dans les pays où existent de très grandes propriétés, comme l'Espagne et le Portugal, on manque de bras. Tous les explorateurs de la côte africaine se lancent dans la chasse à l'homme. Un véritable commerce des esclaves noirs, la traite, s'organise. Certains marchands imaginent déjà de mettre en place le même trafic avec les Indes.

Epices, or, esclaves : pour atteindre toutes ces richesses, les voyages se multiplient.

LES DIEUX N'OUBLIENT PAS

Dix années entières étaient passées depuis l'éclat de la Guerre de Troie. Une guerre terrible qui a commencé quand Paris, le fils du roi de Troie, a enlevé de Sparte la Belle Hélène, la femme du roi Ménélas. Pour dix ans les Grecs essayaient d'envahir la ville aux murailles puissantes. Finalement, ils ont réussi grâce à Ulysse, l'homme aux mille ruses, le roi d'Ithaque. C'était lui qui avait l'idée de construire le Cheval de Troie, un cheval géant en bois creux et le laisser en dehors des murailles de Troie. Dans son intérieur étaient cachés les soldats les plus valeureux.

Les Troyens croyaient que les Grecs étaient partis et ont détruit une partie des murailles pour faire entrer le cheval. Ainsi, ils sont tombés dans le piège. Pendant la nuit, les soldats sont sortis du ventre du cheval, ont ouvert les portes, ont allumé des feux et ont mené l'armée des Grecs, qui était cachée sur une île voisine, dans la ville de Troie. La ville fut détruite. Rien n'a été sauvé, ni même les temples des dieux.

Les Grecs partirent des côtes de Troie pour rentrer à leur patrie. Chaque roi, avec ses navires et son armée, a pris le large.

Ulysse commença lui aussi avec ses compagnons, son voyage pour rentrer à son île bien-aimée, Ithaque.

Pourtant, les dieux n'oublient pas et punissent l'irrespect. Ils ont provoqué une forte houle et ont entraîné les douze navires d'Ulysse loin, vers la direction contraire.

Le vent poussa les navires d'Ulysse à Ismaros, le pays des Cicones. Quand ils débarquèrent, les Cicones, effrayés d'avoir vu soudain une armée entière devant eux, abandonnèrent leur ville.

Ulysse et ses compagnons, saisirent de l'or, du vin et d'animaux. Mais, au lieu de lever l'ancre et partir tout de suite, comme Ulysse leur disait, ses compagnons s'enivrèrent et étourdis, s'assirent au bord de la mer pour se reposer. À ce moment-là, les Cicones attaquèrent et les mirent en fuite. Plusieurs compagnons d'Ulysse périrent à la bataille.

Les autres, chassés par les Cicones, embarquèrent sur les navires et continuèrent leur voyage dans la mer agitée.

Plusieurs jours sont passés. Les navires d'Ulysse se trouvaient au passage le plus dangereux, au cap Malée.

Soudain, des vents féroces soufflèrent et leur firent changer de route une fois encore. Ils arrivèrent ainsi aux côtes d'Afrique, au pays des Lotophages.

Là-bas, ils furent accueillis par des gens aimables et souriants qui étaient assis sous des arbres gigantesques et mangeaient des lotus. Affamés, certains compagnons d'Ulysse, essayèrent ces fruits. Pourtant, celui, qui goûtait ces fruits au goût sucré, oubliait tout. Devant le danger de rester pour toujours à ce pays, Ulysse fut forcé de les traîner de force jusqu'aux navires.

Malheureusement, les aventures ne finissaient pas. Ils avaient beaucoup navigué quand ils arrivèrent à une île lointaine. Ils ne savaient pas que là-bas habitaient les Cyclopes, des géants féroces, qui avaient un œil seulement, au milieu du front.

Ulysse prit douze compagnons et sortirent à la terre. Près du bord de la mer se trouvait une grotte immense.

Ils entrèrent dedans et à ce moment apparut un Cyclope gigantesque avec son troupeau. C'était Polyphème, le fils du dieu de la mer, Poséidon. Il mit les animaux dans la grotte et ferma l'ouverture avec un rocher immense.

Soudain, il vit Ulysse avec ses compagnons.

“Qui êtes-vous et qu'est-ce que vous faites ici?” cria enragé.

“Nous sommes des naufragés et on te prie de nous héberger”, dit Ulysse.

CHRISTIAN LOUBOUTIN: TALENT... AIGUILLE

Depuis vingt ans, le chausseur Christian Louboutin a les stars et le monde de la mode à ses pieds. Retour sur cette success story écrite en rouge.

« J'aime que les femmes voient mes chaussures comme de beaux objets, une sorte de bijou hors mode », explique Christian Louboutin. Selon ce créateur, le soulier ne sert pas seulement à marcher. Il doit être avant tout un objet de rêve et de désir. Une paire de chaussures Louboutin n'est pas une vulgaire « paire de pompes ». C'est l'accessoire indispensable des stars et le Graal pour les fashionistas. Malgré les dizaines de modèles disponibles, ces chaussures de luxe portent toutes la signature de leur créateur : la semelle de couleur rouge, qui fait la renommée de cette marque pas comme les autres.

Christian Louboutin est né à Paris en 1964, d'un père ébéniste et d'une mère femme au foyer. Enfant, alors qu'il visite le musée des Arts africains et océaniques, le petit Christian remarque un panneau étrange : une chaussure à talon aiguille barrée d'un trait rouge, signifiant aux visiteuses qu'elles doivent faire attention à ne pas rayer le parquet. Cette image se grave dans l'esprit du jeune garçon. Il ne cesse de dessiner des souliers rouges dans ses cahiers d'écolier. À 16 ans, il abandonne les études et crée son premier prototype d'escarpin. Un an plus tard, il entre en stage aux Folies Bergère, la célèbre salle de music-hall. Il découvre alors l'univers des « showgirls ». De là naît son amour pour les belles silhouettes de femmes. Il essaie de vendre ses chaussures aux danseuses, sans succès.

En 1982, le jeune Christian quitte Paris et déménage à Romans-sur-Isère, qui est à l'époque la capitale française de la fabrication de chaussures. Il intègre la maison Charles Jourdan, l'inventeur du talon aiguille. Puis, il devient créateur en free-lance pendant plusieurs années pour de grands couturiers : Chanel, Maud Frizon, Sidonie Larizzi et Dior. En 1988, il poursuit sa carrière au sein de la maison Roger Vivier. Christian Louboutin garde un souvenir affectueux du styliste : « Il est devenu mon mentor. Il représentait l'incarnation du Parisien élégant, distingué et courtois. »

Détail amusant : Christian Louboutin quitte l'univers du soulier en 1989 pour devenir paysagiste, mais l'expérience ne durera que deux ans. En 1991, le styliste réalise son rêve en ouvrant sa boutique à Paris pour y proposer ses propres créations. Immédiatement, la chance lui sourit.

Bien qu'il soit encore inconnu dans le monde de la mode, Caroline de Monaco pousse un jour les portes de sa petite boutique. La princesse, sous le charme, dévalise les rayonnages. Une journaliste du célèbre magazine américain de mode W, témoin de l'événement, rédige un article, et les acheteurs commencent à venir en nombre d'outre-Atlantique. Un an plus tard, Anna Wintour, la célèbre rédactrice en chef du magazine Vogue, capable de faire la pluie et le beau temps dans l'univers de la mode, publie deux articles élogieux sur lui. Le succès frappe à la porte.

En 1993, Christian Louboutin travaille sur une série d'escarpins baptisés « Pensée ». Les premiers modèles sortis de l'atelier ne satisfont pas le créateur. Il met du temps à trouver l'origine du problème. D'un coup, il comprend : la semelle noire gâche le résultat ! Il emprunte à une assistante son vernis à ongles et colore la semelle de rouge. La fameuse signature est née ! Depuis, Louboutin participe aux défilés des plus grands noms de la mode ; Jean-Paul Gaultier, Azzaro, Diane von Fürstenberg, Givenchy, Lanvin, Chloé, etc.

Aujourd'hui, Christian Louboutin possède quarante-six boutiques à travers le monde. La marque s'est diversifiée : elle propose également des sacs à main et des produits de beauté. La marque de chaussures est devenue la préférée des stars : Nicole Kidman, Rihanna, Angelina Jolie, Catherine Deneuve, Madonna, Kate Moss, Nicky Minaj et tant d'autres foulent les tapis rouges avec leurs escarpins de la même couleur. Plus besoin de publicité, les stars sont désormais le meilleur outil de communication. Pourtant, la seule personne connue dont le styliste rêverait d'habiller les pieds est... la reine d'Angleterre!

L'HISTOIRE DE RATAPON

Il y avait une fois un petit lapin gris qui demeurait avec sa maman dans un joli petit nid sous l'herbe longue. Il s'appelait Ratapon, et sa maman s'appelait Marion Courte-Queue. Tous les matins, quand Marion Courte-Queue allait chercher son déjeuner, elle disait à son fils :

« À présent, Ratapon, couche-toi bien tranquille, et ne fais pas de bruit. Quoi que ce soit que tu vois, quoi que ce soit que tu entendes, ne bouge pas ! Rappelle-toi que tu n'es qu'un bébé lapin, et reste caché !... »

Et Ratapon disait : « Oui, maman. »

Un jour, après que sa maman fut partie, il était bien tranquille dans son nid, fourrant son nez dans l'herbe verte.

En tournant un peu la tête, comme ça, il pouvait voir quelque chose de ce qui se passait dans le monde.

Une fois, un gros geai s'était posé sur une branche, et criait : « Voleur ! voleur ! »

Mais Ratapon ne bougea ni pied ni patte ; il resta tranquille.

Une autre fois, une bête à bon Dieu fit une promenade le long d'une tige d'herbe, mais elle était trop lourde, et quand elle fut arrivée en haut, elle dégringola jusqu'en bas.

Ratapon avait bien envie de rire, mais il ne bougea ni pied ni patte, il se tint tranquille.

Ce jour-là le soleil était très chaud, et tout paraissait endormi. Tout à coup, Ratapon entendit un petit bruit, loin... bien loin, comme si on faisait ch, ch, ch, très doucement. Il écouta. C'était un drôle de bruit... ch, ch, quelquefois plus faible, puis plus rapproché !

- C'est intéressant, pensa Ratapon. Qu'est-ce que ça peut bien être ? C'est comme si quelqu'un s'approchait ; mais, d'ordinaire, quand on s'approche, j'entends des pas, et ici, je n'entends que ch, ch, ch. Qu'est-ce qui peut bien être là ?

Le bruit devenait plus fort.

Pour le coup, Ratapon oublia les ordres de sa maman, et se dressa sur ses pattes de derrière.

Le bruit s'arrêta.

- Bah ! dit Ratapon, je ne suis plus un bébé, j'ai trois semaines, je veux savoir ce que c'est.

Il avança la tête hors du nid et regarda... droit dans les yeux d'un gros vilain serpent.

- Ma... man ! Ma... man ! cria Ratapon. Oh ! Ma...

Mais il ne pouvait plus crier parce que le méchant serpent lui avait déjà saisi une oreille, et s'enroulait autour de son petit corps. Pauvre Ratapon !

Mais maman avait entendu. Elle sauta pardessus les pierres, elle bondit par-dessus les taupinières, à travers l'herbe et à travers les bruyères et elle courait comme le vent. Ce n'était plus une petite timide Marion Courte-Queue, c'était une maman qui venait au secours de son bébé. Quand elle vit Ratapon et le serpent, elle prit son élan, et hop ! hop ! elle sauta sur le dos de l'affreux animal et elle le griffa avec ses ongles.

Il siffla avec rage, mais il ne lâcha pas Ratapon. Hop ! hop ! Elle sauta de nouveau, et, cette fois, elle lui égratigna la peau et lui fit si mal qu'il se tortilla, mais sans lâcher Ratapon. Enfin la maman lapine sauta une troisième fois et déchira la peau du serpent avec ses griffes.

Elle mordait, elle griffait, si bien qu'il lâcha le petit lapin pour se défendre, et Ratapon roula comme une balle et se mit à courir.

- Cours vite ! Cours vite ! criait la maman ; et vous pouvez penser s'il galopait !

Un moment après, Marion Courte-Queue l'avait rattrapé et lui montrait le chemin. Quand elle courait, on voyait une petite tache blanche sous sa petite queue, et Ratapon suivait la petite tache blanche.

Elle le mena loin, bien loin, à travers l'herbe touffue, jusqu'à un endroit où le méchant serpent ne pourrait plus les retrouver, et là, elle se refit un autre nid. Et vous pensez bien qu'à présent, quand elle disait à Ratapon de rester caché, il n'avait plus envie de désobéir.

PROMENADE EN BATEAU-MOUCHE

Que serait Paris sans la Seine et ses trente-sept ponts ? Traits d'union entre les deux rives, ils parcourent la Seine d'est en ouest et sont simultanément des témoignages du passé, des reflets du présent et des promesses de modernité... Ils reflètent l'identité multiple de la ville : chic, bohème, moderne aussi.

Pour les découvrir, nous allons monter dans un des célèbres bateaux-mouches. Vous êtes prêts ? La visite commence !

D'abord, d'où viennent-ils, ces bateaux, avec leur drôle de nom ? Apparus en 1867, ils étaient construits dans le quartier de la... Mouche, à Lyon. Avant le métro, ils servaient à se déplacer dans Paris. C'est seulement au milieu du XXe siècle qu'ils sont devenus des transports touristiques.

Vous êtes bien installés à bord ? Alors on démarre ! Vous voyez ces beaux quais et ces ponts majestueux ? Imaginez qu'il n'y a pas si longtemps ils étaient tous surmontés de maisons. On ne pouvait pas les admirer. Au XVIIIe siècle, Louis XV décide de mettre la Seine et ses quais en valeur. Les bâtiments sont détruits et reconstruits face au fleuve. Les Parisiens (re)découvrent leur Seine. Aujourd'hui, tous les quais et les ponts du centre de Paris sont classés au Patrimoine mondial de l'Unesco.

Notre visite commence à l'ouest de Paris. Ici, les ponts relient de larges avenues, des quartiers chics, des ambassades et des ministères. C'est aussi sur les ponts de l'Ouest que les Parisiens prennent place le 14 juillet pour admirer la tour Eiffel illuminée de feux d'artifice. Comme le pont de Bir-Hakeim, surmonté d'une passerelle où passe le métro. On peut aussi s'y promener sous le viaduc Art déco et prendre l'escalier qui conduit à l'île aux Cygnes, une île artificielle qu'on traverse à pied, au milieu des arbres.

De l'autre côté de l'île se trouve le pont de Grenelle, où se dresse une réplique de la statue de la Liberté. Le moule de cette statue a aidé le sculpteur Bartholdi à concevoir le modèle final de New York.

Plus loin vers l'est, il y a le majestueux pont de l'Alma. Il est très connu des Parisiens pour son Zouave. Cette statue est traditionnellement utilisée pour mesurer la montée des eaux de la Seine : si « le Zouave a les pieds dans l'eau », alors la Seine est montée haut !

Sur le pont de l'Alma, on peut voir une autre sculpture, plus connue : c'est la réplique de la flamme de la statue de la Liberté (encore elle !), devenue un monument hommage à la princesse Diana, qui a trouvé la mort dans le tunnel du pont de l'Alma en 1997.

Notre bateau-mouche continue sa promenade. Comme le voulait Louis XV, beaucoup de monuments sont visibles de la Seine. À votre gauche, vous pouvez ainsi admirer le Grand Palais, et à votre droite les Invalides. Et devant vous se dresse le pont Alexandre-III, avec ses quatre colonnes - deux à chaque entrée - et ses nombreuses sculptures et dorures. Après le pont, nous passons devant le jardin des Tuileries et le Louvre. Plus loin, il y a aussi le musée d'Orsay. Ça y est, nous sommes au cœur de Paris ! C'est ici que se trouve un des ponts préférés des Parisiens et des visiteurs : le pont des Arts. Entièrement piéton, il accueille les promeneurs qui viennent y admirer la vue : l'île de la Cité est toute proche, et on aperçoit les clochers de Notre-Dame. En 2015, la Ville de Paris a enlevé les nombreux cadenas accrochés aux rambardes du pont par les amoureux du monde entier... Leur poids était un problème, et le pont risquait de s'écrouler!

Nous nous approchons de l'île de la Cité et de l'île Saint-Louis.

Allons directement jusqu'au pont Saint-Louis, qui relie les deux îles. Le pont étant interdit aux voitures, on peut tranquillement écouter les musiciens, admirer un spectacle de rue, etc. La vue est aussi magnifique avec l'arrière de la cathédrale Notre-Dame et les immeubles des quais, les plus anciens de la ville. Quand le printemps arrive, les Parisiens viennent avec des amis sur les quais de l'île Saint-Louis pour pique-niquer ou tout simplement profiter de la lumière du soir.

RETZ, L'HOMME QUI A VOULU GAGNER A TOUT PRIX ET QUI A PERDU

LA vie de Retz, c'est le rêve d'un ambitieux romanesque qui voudrait « confondre le ministériel avec la pourpre », être cardinal et maître de la France. Mais n'est pas Richelieu qui veut. Ni même Mazarin.

Sa vie, une longue défaite couronnée par une victoire posthume qui lui est venue d'où il l'attendait le moins : de son génie d'écrivain. Eût-il réussi au gouvernement, de lui nous n'eussions eu peut-être que des Mémoires, style Poincaré; ses désastres politiques ont élevé son œuvre à la hauteur de Saint-Simon, de Chateaubriand; ou presque.

Cet Italien se voulait Français pur sang : « Je suis Français », répétait-il avec l'énergie des néophytes; mais ses ancêtres, plus obscurs qu'il ne dit — d'où sa passion pour la généalogie —, peut-être banqueroutiers, n'étaient entrés en France que derrière Catherine de Médicis, guindés jusqu'à Lyon, puis jusqu'à Paris où l'archevêché devint leur domaine héréditaire. Il ne suffit pas de changer un nom qui se termine en i pour changer de nature : le XVIe siècle et le XVIIe les considéraient comme des étrangers, les Concini, Mazarini, Contarini, etc..

Tout jeune, à peine tonsuré, mais déjà agité, Paul de Gondi pense à assassiner Richelieu; il se nourrit de Salluste et de sa Conjuración de Catilina; faute de mieux, il écrit La Conjuración du comte Jean-Louis de Fiesque. On y trouve Retz avant l'éclosion de son génie, comme Proust est déjà dans les Sentiments filiaux d'un Parricide. Il faut lire La Conjuración de Fiesque (nous approuvons les éditeurs qui joignent cet essai aux Mémoires). L'auteur, qui a dix-huit ans, est savant; il parle sept langues, il est inégalable en scolastique et droit canon : toutes ses difficultés viendront, à cet homme trop doué, de ses facilités. La Conjuración de Fiesque, c'est l'histoire d'un complot avorté qui avait eu pour théâtre la République de Gênes, en 1547; ce récit, publié par Mascardi, à Rome, en 1629, Gondi le traduisit, le récrivit, le défigura avec bonheur, le réfléchissant tel que l'eût voulu sa jeune ambition; il le fit éditer chez Barbin, sans nom d'auteur. Sous sa plume, Fiesque, promu héros républicain, est un carnassier qui pourrait s'appeler Gondi, tout prêt à abattre le tyran Doria. Richelieu ayant lu l'ouvrage, ne s'y trompa pas : « Voilà un dangereux esprit », dit-il. Dangereux, Gondi ne cessa de l'être, d'autant qu'en un siècle où il se fallait « rampant ou persécuté », il fut l'un et l'autre, et essuya « des dégoûts », ces pertes de face qu'il craignait plus que la mort. « Le comte de Fiesque, écrit-il, se voulait hors du commun »; « Gênes était un petit État où il n'y avait pas place pour deux. » Suffisante justification d'un assassinat! Après une sobre analyse, où le traducteur, avec une sécheresse très stendhalienne, compte les coups et énumère les erreurs de l'un et l'autre parti (le tyran Doria a laissé passer l'heure de punir; la magistrature génoise n'a pas saisi à temps les leviers de commande, les conjurés auraient dû cacher la mort de leur chef), Retz aboutit à une conclusion simple : Fiesque a été trahi par la chance.

Gondi, lui, n'aura pas cette excuse. La chance lui a tendu la Fronde, comme plus tard à Bonaparte elle tendra la Révolution française.

La Fronde c'est la Commedia dell'arte, un canevas très simple où l'action et les dialogues sont laissés à l'invention d'acteurs de génie. Arlequin-Mazarin, chassé par la porte, rentre par la fenêtre; le Docteur, c'est le Parlement. Colombine, la duchesse de Longueville; Gaston d'Orléans, Polichinelle; le Capitain, le Grand Condé; et Pantalon, c'est Retz; les Mémoires de Retz, c'est le testament de Pantalon : « Je lègue à mon valet vingt-cinq coups de fouet bien sanglés... » Pantalon masqué, Pantalon en caoutchouc, toujours rebondissant pour retomber assis par terre, Pantalon-archevêque, maniant sa crosse comme une batte. Sous sa plume, à tout instant, reviennent les mots de comédie, de théâtre, de jeu, d'acteurs et lui-même évoque la Comédie italienne, si en faveur à Paris et où le rôle d'Arlequin amusait tant le petit roi Louis XIV. Dans cette immense mêlée de fourbes, dans cette guerre civile-bouffe, les morts sont rares; le million de tués de la guerre civile espagnole eût fait dresser à Retz les cheveux, sous sa calotte cramoisie; il est du pays où les batailles de condottieri ne laissaient qu'un ou deux tués sur le terrain. Voici comment il décrit un engagement : « Les ennemis plièrent, leur infanterie même s'étonna, et il est constant que les piques des bataillons des gardes commençaient à se toucher et à faire un cliquetis, qui est toujours marque de confusion, quand le maréchal de la Mothe fit faire halte.» C'est le combat, à coups de vessies gonflées, du tréteau italien. La pièce est une recreazione comico-tragica, sur un libretto élémentaire : exécutif contre législatif, féodalité contre droit divin. Les groupes jouent chacun pour soi, devant une toile tendue entre deux perches, comme dans Callot; changements à vue : rocaille, palais, forteresse, champ de bataille; coups de théâtre, les acteurs passent sans crier gare d'un parti à l'autre,

d'une armée à l'autre. Si bien que le mot de trahison, si fréquent dans leurs bouches, se vide de tout sens. Une scène, décrite par Retz, eût été impensable vingt ans plus tard, sous le gouvernement purgatif de Louis XIV : « Le 29 [décembre] nous entrâmes au Palais... Nous y vînmes ensemble, M. de Beaufort et moi, avec un corps de noblesse qui pouvait faire trois cents gentilshommes... Il n'y avait personne qui n'eût un poignard dans la poche... Je n'en avais point voulu porter et M. de Brissac m'en fit prendre un, presque par force... Cette arme, à la vérité, était peu convenable à ma profession... M. de Beaufort, qui était fort lourd (il l'accuse de « parler comme le peuple »), voyant la garde du stilet, dont le bout paraissait un peu hors de ma poche, le montra : « Voilà le bréviaire de M. le Coadjuteur. »

Chacun sait que la Fronde, c'est le chapitre le plus panaché, le plus paillasse, de notre Histoire; et confus, démentiellement; ce chapitre se glisse entre la centralisation étatique de Richelieu et l'ennui effroyable de Louis XIV, doctrines politiques claires où l'écolier peut circuler à l'aise, mais où il ne s'amusera pas autant qu'en étudiant la Fronde, avec son « mélange d'écharpes bleues, de dames, de cuirasses, de violons... de trompettes » (Retz), dans un Paris déparé. La Fronde est une pièce sans unité de temps ou d'action; seule l'unité de lieu survit : c'est Paris... avec ses environs, car la Cour est plus souvent autour de Paris qu'au Palais-Royal. Turenne et Condé tantôt pour le roi, et tantôt contre; on se dirait au Congo, avec Tschombé. Dix ans de galimatias; ce mot, qu'on n'applique d'ordinaire qu'au discours, Retz l'emploie à chaque page : « un galimatias d'actions ». Dans un siècle où la langue n'est pas encore fixée, les lois, la pensée et la vie le sont encore moins. D'où l'imprévu, la verdure, le pittoresque de la Fronde. Ces querelles d'Italiens autour d'une régente espagnole, c'est, malgré tout, le moment le plus français du passé de la France.

La Fronde? A l'origine, une explication entre beatniks d'alors, où les chaînes de vélo étaient des frondes. Retz nous en donne l'étymologie : « Bachaumont s'avisait de dire un jour, en badinant, que le Parlement faisait comme les écoliers qui frondent dans les fossés de Paris, qui se séparent dès qu'ils voient le lieutenant civil, et qui se rassemblent dès qu'il ne paraît plus... Tout fut à la mode [de la Fronde], le pain, les chapeaux, les gants, les manchons, les éventails, les garnitures, et nous fûmes nous-mêmes à la mode, encore plus par cette sottise que par l'essentiel. » Paris incarnera la mode pendant trois siècles; les Retz d'aujourd'hui auront beau débarbouiller le décor, Paris n'est plus, ne sera plus la mode.

La Fronde est l'époque de la plus grande liberté sexuelle; à aucun moment de l'Histoire, l'amour ne s'est autant étalé au grand jour; quoi que l'on fit, il était impossible de scandaliser. La duchesse de Chevreuse convoque Retz et le prie courtoisement de ne pas engrosser sa fille; quoi de plus naturel; et Retz la rassure. Le singulier archevêque est un Valmont que personne ne songe à blâmer. Il ne compte plus ses maîtresses : Marguerite de Gondi, la duchesse de Brissac (sa nièce, et qui, dit-il, l'infecta), Mmes de la Meilleraye, de Guéné, de Rhodes, de Vendôme, de Brancas, de Pommereux... Mais dans cette ronde d'amourettes, voit-on jamais poindre un mouvement de tendresse? La sécheresse de cœur de Retz a frappé ses contemporains, pourtant peu portés sur le sentiment. « Il est insensible à la haine et à l'amitié », a dit La Rochefoucauld... « Il s'amuse à tout et ne se plaît à rien. » Sa liaison de trois ans avec Mlle de Chevreuse est révélatrice : c'est la plus belle jeune fille de la Cour et la mieux née, princesse de la maison de Lorraine. Elle est folle de ce petit homme « laid, noir, mal fait, myope, et maladroit de ses mains en toutes choses ». (« Mais avec de belles dents et avec cela un homme n'est jamais laid », a dit de lui Anne d'Autriche.) Son amante le sert passionnément, aveuglément, « n'ayant jamais d'autre avis que celui de l'homme qu'elle aime », dit Retz avec dédain. Lui aussi la sert à l'occasion — par exemple en négociant son mariage avec le prince de Conti (ce qui n'est pas d'un amant très épris) —, mais il l'abreuve de dégoûts, d'infidélités, de scènes. « Je l'aimai, ou plutôt je la crus aimer », écrit-il. Et voici l'oraison funèbre : « La pauvre fille mourut d'une fièvre maligne qui l'emporta en vingt-quatre heures. » C'est tout.

Parfois ennuyeux, souvent passionnant, brouillon jusqu'à l'inextricable, mais démêlant tous les brouillaminis, occupé à mille machinations qui font long feu, toujours harcelé, mais goûtant ce harcèlement. Tout est bon à Paul de Gondi pour arriver : l'autel, comme l'oreiller; « un salmigondis perpétuel de dévotion et de péché », dit-il du comte de Brion, oubliant qu'on en dira autant de lui. Il proclame bien haut la pureté de ses intentions, ce qui fait sourire. « Je m'enveloppai dans mon devoir et [ne] fis pas un pas qui ne fût d'un bon citoyen. » C'est un mutin-né qui se faufile entre les coups d'État, en multipliant les largesses (rien de l'avarice de Mazarin), et désentortillant toutes les ficelles. Abondant en discours amphigouriques qui contrastent avec la grandeur romaine de ses portraits. Souvent son

éloquence nous fatigue; un torrent oratoire où les arguments s'enchevêtrent, dans la plus irréfutable dialectique : « de huit heures à minuit sonné » (dit-il lui-même), il harangue le vacillant Gaston d'Orléans; ce faible prince (pas si faible, puisqu'il résiste à ce déluge) est l'atout maître du Coadjuteur, qui passe ses journées et la majeure partie de ses nuits, à souffler et regonfler cette baudruche. Premier prince du sang, lieutenant général des armées du royaume, Gaston d'Orléans serait le maître de la France s'il n'était toujours « à trembler de frayeur ». Retz pourrait trépigner d'exaspération, mais cette flexible échine, au service d'une inflexible ambition, sait composer et attendre. Et surtout, ce spadassin mitré, cabaler est son pain quotidien; si doué pour le métier de conspirateur qu'on l'excuserait presque de l'avoir pratiqué toute sa vie. Louis XIV lui-même, qui le haïssait, le méprisait, et ne lui a jamais pardonné son activité de frondeur, ne peut se retenir de l'employer sitôt qu'il est nécessaire de comploter à Rome, aux conclaves.

Pendant cet escamoteur, dont les gobelets sont des ciboires, cette âme, « la moins ecclésiastique qui fût dans l'univers » ne perdait pas de vue l'essentiel, c'est-à-dire la conquête du pouvoir. Il comprend très vite la force des foules et leur arme : les barricades, les barricades qui devaient étayer toutes les révolutions pendant plus de deux siècles et ne disparaître que devant les hélicoptères, la radio et les tanks. Retz, grand seigneur, devine la loi du nombre et s'appuie sur le peuple; le peuple, admirable quand il vous sert, « fourmilière de fripiers » sitôt qu'il vous déçoit, plèbe infantile « se réjouissant des choses parce qu'elles étaient nouvelles », monstre sans mémoire oubliant celui qui l'a caressé; « il n'y a rien, dit Retz, où il faille plus de précautions qu'en tout ce qui regarde les peuples, parce qu'il n'y a rien déplus déréglé ». C'est pour manœuvrer le peuple que le petit homme noir s'allie au géant blond, le duc de Beaufort, le Roi des Halles, qu'il méprise et envie. Beaufort est à toutes les pages de ces Mémoires de Retz qui ont tant choqué Louis XIV et tellement

enchanté les roués (huit éditions sous la Régence); ce mélange du batteur d'estrade et du dignitaire, du religieux et du débauché, ne pouvait que les ravir; l'homme dont Louis XIII, avant de mourir, avait garanti, par lettres patentes « les capacités, la doctrine, l'intégrité, la piété, la vie et les mœurs exemplaires » ne monte en chaire que pour faire sa publicité : « Je prêchai, le jour de Noël, dans Saint-Germain de l'Auxerrois... J'y traitai ...ce qui regarde la charité chrétienne... Les bonnes femmes pleurèrent... sur l'injustice que l'on faisait à un archevêque qui n'avait que de la tendresse pour ses ennemis... l'effet fut incroyable... »

Une question se posera toujours : pourquoi ce combattant, qui avait tout pour vaincre : génie, courage, finesse psychologique, volonté forcenée, pourquoi a-t-il perdu toutes les batailles? La réponse tient peut-être en cette phrase de La Rochefoucauld : « Le cardinal de Retz a beaucoup plus d'ostentation que de vraie grandeur. » Contrairement à La Rochefoucauld, Retz est d'une vanité dont il n'a pas conscience et qu'il nomme « sa gloire » : « Le succès que j'eus en Sorbonne »... « Je permis à mes sens de se laisser chatouiller par le titre de chef de parti »... « Je ne me trompais pas de vue »... « Je m'étais assuré l'honneur principal »... « Je forçai la cour à se louer de moi »... « Le comte de Fuensaldagne (négociateur espagnol) était fort satisfait de moi »... « J'[ai] bravé Mazarin. » La vanité aveugle cet esprit si discernant; il ne voit pas que Mazarin se moque de lui : « Plût à Dieu, Madame, dit le Cardinal, que tout le monde parlât avec la même sincérité que M. le Coadjuteur. » A l'en croire, il a refusé les hautes fonctions, dont tout le monde sait, au contraire, avec quelle ardeur il les a brigüées : il avait de belles dents, mais longues; il voulait le gouvernement de Paris, l'archevêché, la pourpre. Selon lui, c'est le pape qui aurait le premier pensé pour lui à un cardinalat qu'il n'ambitionnait pas et qui lui a coûté « des peines immenses et un argent fou ». « Jamais on n'a menti avec tant d'assurance, de verve et de gaieté », dit Petit de Julleville. Mais, à part quelques mensonges, et les omissions, que signalent Guy Joly (à qui Retz aurait dit : « Je sais bien que je ne suis qu'un coquin »), Cousin, Bazin, Chante-lauze, etc., les Mémoires sont le plus magnifique pano-

rama d'une époque trouble, mais d'autant plus intéressante; et assurément, un merveilleux guide à travers l'âme des hautaines frondeuses, femmes d'un courage, d'une frivolité, d'une scélératesse, d'un manque de scrupules et d'une intelligence admirables. Nous en fûmes tous amoureux, dès la classe de quatrième! Si « la Fronde semblait faite exprès pour lui » (V. Cousin, Madame de Longueville), Retz semblait fait pour les belles de son temps; comme elles, capable de tout; l'incroyable archevêque trompe le peuple comme il trompe les femmes, bénit comme on caresse; bénit les troupes en rochet et camail; il bénissait les pires factieux en déclarant que « c'est pour les contenir ». Dans Paris, il est comme le tyran d'une

petite république italienne, amoureuse de lui. Il joue sur l'hystérie collective. Sa plume est sublime quand il peint la rue en émoi. Nous n'oublierons jamais : « Le mal s'aigrit; la tête s'éveilla; Paris se sentit... L'on chercha, comme en s'éveillant à tâtons, les lois : » on ne les trouva plus. Retz a boudé le Parlement comme on boude une maîtresse infidèle; sa mauvaise foi a l'innocence des trahisons féminines; ses dépit, sa nervosité, sa vitalité sont d'une femme, et aussi son goût du mâle (quoiqu'il ne soit pas polyvalent comme Mazarin); sa préférence va aux auditoires de valets, de crocheteurs, de faquins, de tire-laine, de croquants méridionaux et de nu-pieds normands; et les bouchers de la tour Saint- Jacques ont assuré sa fortune.

Esprit clair, âme trouble, « homme d'un esprit noir, décisif et dangereux », ce ténor qui ne se nourrit que de bravos, était fait pour l'opposition; si on lui avait donné la place de Mazarin, il eût été perdu. Il ne voulait qu'un gouvernement faible. Pour dire non, il est magnifique. Il faut le voir tel qu'il fut, un peu toqué; cet homme prudent est imprudent (ce que Machiavel n'est jamais). « Un peu fou », disait de lui son complice Beaufort. Seuls les Anglais et les Italiens, parfois les Espagnols, sont dérangés d'esprit; l'égoïsme des Français, qui leur interdit de s'aliéner, les empêche d'être des aliénés. On n'atteint pas à cette virtuosité dans l'intrigue pure sans avoir « un petit brin dans la tête » (l'abbé Choisy). Le secret du génie de Retz, araignée démente qui détruit la toile qu'elle tisse, c'est qu'il est un romancier-né, qui vit son roman. Incomparable dans l'impétuosité, sublime dans l'impudence la plus désarmante. L'agitation, pour lui, c'est l'inspiration; il vit la nuit. Nuits du Marais que son chapeau de cardinal domine comme une lune rouge. Grand fauve, il sort la nuit, pour aller faire l'amour chez ses maîtresses, ou pour tramer des complots; ou les deux à la fois. A sept heures du matin, il est déjà chez la Reine que, plus tard, par dépit amoureux, il appellera « la Suisse ». On se demande quand il dort.

Ses filets sont si compliqués et si bien noués, qu'un jour il se prend les pieds dedans et tombe; le voici au fort de Vincennes... C'est alors que ce baladin génial se mue en sympathique héros d'Alexandre Dumas. Sa vie devient le plus fascinant des romans d'aventures. C'est l'existence zigzagante d'un lièvre forcé. Évadé, Retz est partout : on le cherche dans les tours de Notre-Dame, on croit l'avoir vu en Bretagne; il n'est déjà plus en Espagne, mais à Rome, d'où il est chassé. Imprimeur en pamphlets clandestins à Grotta Ferrata; contrebandier éternel, Retz évite Florence; on le suit à Milan, à Constance, à Augsbourg, à Amsterdam, à Utrecht où il s'acoquine avec Annette, la servante de l'auberge de la Petite Porte; à Rotterdam, où cet élève des jésuites caresse les jansénistes; en Angleterre, où il cueille au passage une aumône royale. Ce dernier tome des Mémoires nous laisse sur notre faim. Et les fervents de Retz ne pardonneront jamais à l'abbé de Saint-Mihiel, Dom Hennezon, ses chastes ratures, et les premières pages arrachées.

Retiré dans sa seigneurie de Commercy, dans « sa coquille », l'escargot jeûneur a cessé de baver. Il est devenu bon, disent les contemporains; bénin semble plus juste. Il fonde même une maison d'éducation pour jeunes filles! Il cultive un jardin où les fleurs du mal dépérissent, car il n'a plus que des dettes pour les arroser.

Arrêté en 1652, Retz ne put rentrer à Paris qu'après la mort de Mazarin. En 1667 il est enfin admis à saluer un Louis XIY glacial, qui le hait comme il a haï Fouquet, mais qui, toutefois, l'utilise encore dans divers conclaves. Pour rétablir sa fortune, Retz continue à se servir des femmes, depuis Christine de Suède jusqu'à la reine d'Angleterre, mais en vain. La royauté de droit divin ne veut plus entendre parler de ce dernier féodal.

« Un pesant éteignoir est tombé sur la Fronde » (Michelet). Louis XIV, qui n'est pas drôle, n'a jamais pardonné à ceux qui ont vécu cette drôle de guerre civile, et qui ont vu la royauté avoir peur. Fini le temps des belles agitatrices et des belles émeutes que notre héros nommait des « secousses ». Voici le cardinal ermite; il veut se faire bénédictin. Il renvoie son chapeau au pape, qui, dernière comédie, le lui repose sur la tête. Au monastère de Saint-Mihiel, Goupil devenu vieux met à jour ses notes quotidiennes; il les illustre, pour notre bonheur, de dix-sept portraits inoubliables.

Les contemporains et la postérité, par un jeu de glaces, nous ont renvoyé le sien : Saint-Evremond, La Rochefoucauld, Tallemant, Bossuet, Mmes de Sévigné et de Motteville. Ensuite, ce sera Voltaire : « Les Mémoires sont écrits avec un air de grandeur, une impétuosité de génie et une inégalité qui sont l'image même de sa conduite. » Laharpe (le médiocre Laharpe s'y est surpassé), Sainte-Beuve, Victor Cousin, Schlumberger...

Les années dernières de Retz, les voici, vues par d'Ar-genson : « De telles gens sont très dangereux à suivre quand ils se mêlent des affaires. Mais quand ils en sont tout à fait retirés, ils sont quelquefois charmants à entendre ». Et La Rochefoucauld, parlant de la retraite de Retz écrit : « C'est la plus fausse action de sa vie. »

Un cardinal ne pouvant demeurer que dans sa propre abbaye, Retz demande au roi, qui le lui permet, de résider à Saint-Denis; U y part, en s'arrêtant à Paris chez sa nièce, la duchesse de Lesdiguières, ou chez la future princesse des Ursins, alors Mme de Bracciano; ce qui fait dire à Bussy-Rabutin que « Retz se rend au paradis par chez elles ». Il meurt à Paris en l'hôtel de sa nièce. Pénitent ou blasphémateur? Sous le poignard d'un assassin? Ou victime d'une congestion pulmonaire?

« Repenti, dans des sentiments très humbles », affirme Arnaud à la supérieure de Port-Royal.

Retz fut enterré à Saint-Denis, la nuit. En 1789, sa tombe qui, par ordre de Louis XIV, ne portait aucune inscription, échappa, dans son anonymat, à l'attention des profanateurs de sépultures royales. Cet homme patient avait attendu un siècle cette satisfaction posthume. Retz, qui aimait tant se venger des « dégoûts » qu'on lui faisait, a dû savourer cette dernière cabriole de l'Histoire, qui, comme Bossuet disait de Gondi, n'est pas en reste de « secrets et puissants ressorts ».

КАК ОВОЩИ КОРОЛЯ ВЫБИРАЛИ

Это случилось на одном огороде, который крестьянин недавно обнёс красивым забором. Крестьянин этот любил прихвастнуть:

- Не огород, а просто чудо! Как вкусно пахнет, как ладно в нём кузнечики играют... А овощи как буйно растут! Одно слово, райское королевство, только короля тут не хватает...

Овощи слушали, слушали болтовню крестьянина и наконец решили избрать себе короля.

- У нас есть всё, что нужно для государства: свежеевыкрашенная граница, замечательный оркестр кузнечиков, множество граждан самых различных профессий. Нет только порядка, который бы появился, выбери мы себе короля, - сказала тщеславная тыква, которая давно мечтала о власти.

- Правильно, - согласилась цветная капуста. - Ведь в наш огород каждый день пробирается кошка, а ёж живёт, как у себя дома. Будь у нас король, - ни один чужестранец не совал бы нос в наше государство.

- Что нужен король, совершенно ясно, - изрёк подсолнух. - Но кто бы годился на такую должность?

- Только не ты, хотя и стоишь с высоко задранной головой, - едко сказала редька.

- Конечно, - согласилась тыква. - Король должен быть толст. Это придаёт веса и вызывает у всех уважение.

- При чём здесь тонкость или толщина? - откликнулась капуста. - У короля должна быть голова на плечах.

- Чепуха, - возразила редька. - Голову можно и потерять. Ведь так случилось с твоей родственницей краснокочанной капустой, когда ещё не было нового забора и в огород ворвалась корова. Король должен глубоко запустить корни в землю своего государства. Он должен быть корнеплодом!

- Нет, нет, - отрезала тыква, пожелтев от злости, и приготовилась сражаться за престол до победного конца. - Королю надо видеть, что происходит в его государстве, поэтому он должен жить наверху грядки, а не скрываться в земле подобно червяку или кроту.

- Вот это святая правда, - вставила слово цветная капуста.

Ей поддакивали огурец, помидор, фасоль.

- А мы – против! – разразились криком репа, лук, картофель и красная свёкла.

Овощи всё ещё громко спорили и шумели, когда на высокий цветок подсолнуха опустилась большая, яркая бабочка. Она некоторое время прислушивалась к спору, а затем сказала:

- Милые овощи, мне смешно слушать ваш спор о выборах короля. Какая разница, врос король корнями в землю, или он наверху грядки? Ведь не это важно. Важно, чтобы король дал всем то, без чего никто не может жить. Ни один овощ, ни одна бабочка не смогли бы выжить без самого могущественного властелина в мире – Солнца!

Бабочка замолчала и поправила крылья. Овощи тоже молчали.

- Да, без солнца мы все наверняка бы вымерли, - наконец промолвила морковь. И тогда весь огород одобрительно зашелестел:

- Солнце! Солнце! Солнце для нас самый подходящий король! Как мы об этом раньше не подумали?!

- Потому что каждый думал только о себе, - ответила бабочка.

Овощи, пристыженные и смущённые, молчали.

КОШКИНА РОДОСЛОВНАЯ

Кошка – любимое домашнее животное, обитающее рядом с человеком много веков. А как она оказалась в человеческом жилище? Кто её предки?

Учёные считают, что предка нашей домашней кошки нужно искать в жарких полупустынях севера Африки. Это скорее всего дикая нубийская кошка. Она и сейчас, попав к человеку, легко поддаётся приручению в отличие от её диких европейских сородичей. Исследователи обнаружили разные подвиды нубийской кошки на западном берегу Нила, в Месопатамии, Аравии, на высокогорных плато Эфиопии. Это объяснило происхождение короткошерстных пород кошек. С происхождением длинношерстных гораздо больше неясностей – скорее всего это смешение нескольких видов.

Настенные росписи в гробнице Саккара в Мемфисе (2500 год до нашей эры) изображают кошку, очень похожую на нубийскую. Ошейник на ней свидетельствует о том, что животное уже было во власти человека. Но в те времена при дворах правителей, чтобы показать простому люду власть и силу, на привязи жили и тигры, и львы, и гепарды. Вероятнее всего, что полезное животное быстро завоевало популярность среди земледельцев, охраняя их запасы от мышей и крыс.

Так или иначе, Древний Египет – единственная признанная наукой колыбель домашней кошки. Кошка там была почитаемым животным. Древние египтяне считали, что в животных воплощаются боги, и люди после смерти принимают облик тех или иных зверей. Греческий историк Геродот в V веке до нашей эры писал, что в Египте больше богов, чем людей... Была и богиня с головой кошки – Баст.

Культ кошки в Египте длился столетиями. При пожаре египтяне выносили из огня именно кошку, а в случае её гибели стриглись наголо в знак траура. Историк Диодор Сицилийский писал в I веке до нашей эры о том, как персидский царь Камбиз удачно воспользовался любовью египтян к кошкам. При осаде одного из городов велел своим воинам посадить на щиты именно этих четвероногих. Город сдался без боя: защитники боялись поранить священное животное.

Прошли века, прежде чем кошка появилась в домах европейцев. Несмотря на строгий запрет вывозить священных животных из Египта, их, очевидно вывезли на Крит, а ещё через 600 лет они «перепрыгнули» через Средиземное море и появились в Элладе и на Апеннинском полуострове. Об этом свидетельствуют их изображения на вазах.

За кошкой закрепилось имя «каттус», пришедшее, видимо, от берберов. А со временем появилось английское «cat», немецкое «katze», русское – «кот».

Мирная жизнь для кошек в Европе закончилась в 1484 году, когда папа Иннокентий VIII издал буллу, в которой проклял этих животных как «ведьмино отродье». Кошек стали преследовать вместе с их хозяевами. Их уничтожали тысячами. Светлые умы пытались объяснить, что кошки приносят пользу, отлавливая грызунов, но к ним не прислушивались... Европа поплатилась за гибель миллионов кошек эпидемиями страшной болезни – чумы.

Сегодня кошка – самое любимое после собаки домашнее животное. У каждой из них свои повадки, свой характер, они своенравны и горды. Но человек поселил их рядом с собой на долгие годы.

О ЛЕСОРУБЕ, КОТОРОМУ ДО ВСЕГО БЫЛО ДЕЛО

В старину в одном городе люди потеряли улыбку.

Уверяю вас, что это очень страшно, гораздо страшнее, чем кажется на первый взгляд. Никто не знал, откуда взялась эта загадочная болезнь, и местные светила науки изо дня в день изучали причины её возникновения.

— Очевидно, это что-то желудочное, — говорил доктор Касторка.

— Нет, нет. Скорее это явление простудного характера, — возражал ему доктор Стрептоцид.

— Чепуха! — категорически заявлял профессор Пенициллин. (Злые языки утверждали, что именно это магическое слово принесло ему профессорство.)

Между тем болезнь с каждым днём принимала всё более угрожающий характер. Люди забыли о весне, о солнце, о друзьях, и на улицах вместо приветливых и дружелюбных слов только и слышалось:

— Не твоё дело! Не суй свой нос! Иди своей дорогой!

И как раз в это трудное время с гор спустился молодой Лесоруб. Подходя к городу, он увидел человека, который барахтался в реке, силясь выбраться на берег.

— Тонешь? — спросил Лесоруб, собираясь броситься на помощь.

— Не твоё дело, — мрачно ответил утопающий и ушёл под воду.

Лесоруб больше не стал тратить время на разговоры, а бросился в реку и вытащил человека на берег.

— Ты что же это сопротивляешься, когда тебя спасти хотят? Смотри, чудак, так и утонуть недолго.

— Да кто ж тебя знал, что ты всерьёз спасти надумал? У нас это не принято.

Пожал плечами Лесоруб и отправился в город.

На одной из улиц дорогу ему преградила огромная толпа народа. В центре толпы маленький старичок трудился над опрокинутой телегой и никак не мог поставить её на колёса.

— Давай-ка, дед, вместе! — сказал Лесоруб. — Одному-то тебе не под силу.

— Не твоё дело, — буркнул старик, не поднимая головы.

— Ишь ты, гордый какой, — засмеялся Лесоруб. — У меня-то сил побольше твоего. А вдвоём не справимся — люди подсобят: вон их сколько собралось тебе на подмогу.

При этих словах толпа начала расходиться. Задним уйти было легко, а передним — труднее, и они волей-неволей взялись помогать старику.

Вскоре в городе только и разговоров было, что о молодом Лесорубе. Говорили, что он во всё вмешивается, о каждом хлопочет, что ему до всего дело. Сначала к этому отнеслись с улыбкой (это была первая улыбка, появившаяся в городе за время эпидемии), а потом многие захотели составить Лесорубу компанию, потому что он был весёлый парень и делал интересное дело.

Однажды утром профессор Пенициллин выглянул в окно, и слово «чепуха» застряло у него в горле: на улице он увидел сотни улыбающихся лиц. Однако борьба с эпидемией была в плане работы больницы на весь следующий год, поэтому профессор решил закрыть глаза на факты. Он уже открыл рот, чтобы сказать: «Не моё дело», — но его перебил Лесоруб, который как раз в это время входил в Зал заседаний:

— Пожалуйста, профессор, не произносите этой фразы, ведь она и есть причина заболевания, которую вы так долго искали.

Так кончилась эпидемия. Лишь только у жителей города исчезла из употребления фраза «Не твоё дело», к ним тотчас вернулась улыбка, они стали весёлыми и счастливыми. А Лесоруб ушёл в горы — у него там было много работы.

О МОСКВЕ

Москва – древний город. Существует легенда о том, что земли, где сейчас центр Москвы, принадлежали гордому боярину. Боярин этот поссорился с князем Юрием Долгоруким. Князь отобрал у непокорного боярина земли и велел построить на высоком берегу реки крепость и назвать её так же как и река – Москва. В старинной летописи есть такая запись: «Князь великий взошёл на гору и обозрел с неё очами по обе стороны Москвы-реки и за Неглинною и возлюбил сёла оные и повелел на месте том вскоре соделати мал древян град и прозвал его званием реки тоя Москва град».

В летописях Москва впервые упоминается в 1147 году. Там сказано, что князь Юрий Долгорукий пригласил для переговоров в Москву – тогда маленькое поселение на границе своего княжества - другого русского князя Святослава Черниговского. Вот с этой встречи и ведётся отсчёт истории города.

Древний город весь помещался за стенами крепости – Кремля. Сначала Кремль был деревянный, потом каменный, а в XV веке его стены сложили из красного кирпича. Современный город шагнул далеко -- на много десятков километров – за пределы Кремля.

Нынешний Кремль – это историческая территория. По его углам располагаются башни. Самая знаменитая из башен – Спасская, на ней находятся часы, которые показывают точное московское время. За кремлёвской стеной множество соборов, храмов, музеев и памятников. Рядом с Кремлём находится Красная площадь. Вдоль одной из стен протянулся Александровский сад.

Неторопливая Москва –река течёт по городу больше семидесяти километров. На ней много водохранилищ и более ста мостов.

В старой части города много старинных улиц и переулков. Об их названиях можно поэму писать: есть переулки Медовый и Лебязий, есть сердитый – Палочный, есть – Хрустальный и Кисельный. В старинных особняках этих улиц и переулков жили поэты, писатели, композиторы.

В Москве много мест, связанных с историей и культурой. В Большом театре ставятся знаменитые оперы и балеты, в Третьяковской галерее можно увидеть картины известных русских художников, в Государственном музее А. С. Пушкина ознакомится с рукописями, письмами, собраниями книг поэта.

В Москве есть человек, который читает всегда: в дождь и снег, днём и вечером, зимой и летом. Не отрываясь он смотрит в свою каменную книгу – первую книгу, напечатанную в Москве более четырёх веков назад. Это первопечатник Иван Фёдоров. Каменное изваяние первопечатника – символ москвича. Москвичи, путешествуя по своему многомиллионному городу, много времени проводят в метро, автобусах, троллейбусах, и их часто сопровождает книга.

Название «Москва» разлетелось по всему свету. Есть улица Москва в Париже, есть деревня Москва в Шотландии, есть город Москва в Америке, а в небе - астероид с таким же названием...

ТАМ, ГДЕ ЖИВУТ ВОЛШЕБНИКИ...

Традиции и обычаи существуют у народов всего мира. В них отразились уклад жизни народа, его привычки, национальные особенности. В России множество мест, где люди с давних времён занимались каким – нибудь кустарным ремеслом.

Хохлома – большое торговое село на Средней Волге. Долгое время оно было центром изготовления деревянной посуды, поэтому художественная роспись стала называться хохломской, а то и просто - хохлома, хотя чудесную золотую, «пламенную» посуду изготавливали и в окрестных деревеньках, а в Хохлому привозили на продажу. В дни ярмарок на торговой площади рядами возвышались горы всевозможной посуды: и ложки, и ковши, и тарелки, и миски от маленьких для ребёнка до огромных, метра полтора в диаметре... И всё это горело золотом, пламенело красной киноварью.

Деревянную посуду на Руси делали во всех селениях. Дело привычное и нехитрое. Подбирали в лесу подходящее дерево (липу, клён, осину), распиливали на части, сушили так, чтобы не было трещин. Из заготовки вырезали нужное изделие, покрывали особой глиной, затем олифой и, просушив, начинали расписывать и наносить лак. Затем изделие ставили в печь для закалки при высокой температуре, чтобы лак лучше пристал к стенкам посуды. Так делали всюду. Но вот такой посуды, чтобы золотом сияла, чтобы по красному или чёрному фону разбегались в затейливом переплетении нити трав с веточками, листиками, цветами, ягодами, будто золотом писанные, кроме хохломских мастеров не делал никто.

Рассказывают, что как-то раз один мастер обратил внимание, что рядом с расписной ложкой плохо смотрится на столе оловянная миска. Решил он её расписать, покрыть лаком и в печи закалить. Сказано – сделано! А когда вынул из печи, - глазам не поверил: миска золотом сияла! Мастер понял, что металлический блеск олова сквозь пожелтевший лак создаёт иллюзию золота. Растёр кусок олова в порошок, покрыл деревянную ложку порошком – и в печь. Получилось! Так и славится Хохлома «деревянным золотом».

Глиняная лепная игрушка – ещё одно изделие русского народного художественного промысла – родом из Дымкова (ныне это территория города Вятки). История промысла уходит корнями в глубокую древность. Когда-то этим глиняным фигуркам приписывались магические свойства, они были связаны с календарными праздниками крестьян. Позднее они утратили своё магическое значение и в 19 веке превратились в детские игрушки, которые продавались во время весенней ярмарки. Сейчас это просто популярный сувенир.

Наиболее популярными являются изображения домашних или фантастических животных, птиц. Небольшие (от 3 до 10 см) фигурки лепят из местной глины, сушат и прокалывают в печи, белят мелом, а затем раскрашивают.

Палех – село во Владимирской области - славится своими деревянными миниатюрами. Издавна здесь изготавливали изящные ларцы, пудреницы, шкатулки, письменные приборы, целые панно. Они сплошь покрыты чудесной росписью. Ими хочется не пользоваться, а рассматривать, любоваться. Кто хоть раз видел знаменитую палехскую шкатулку, уже никогда её не забудет. Всю жизнь просияет она в глазах живой сказкой из детства, заморозит фантастическими дворцами, стремительно летящими конями – белыми, красными, золотыми. Каждая вещь, изготовленная народными мастерами, передаёт их искусную выдумку, щедрую фантазию, мастерство и любовь к своему делу.

СТАРЫЙ ПОВАР

В один из зимних вечеров 1786 года на окраине Вены в маленьком деревянном доме умирал слепой старик — бывший повар графини Тун. Собственно говоря, это был даже не дом, а ветхая сторожка, стоявшая в глубине сада. Сад был завален гнилыми ветками, сбитыми ветром. При каждом шаге ветки хрустели, и тогда начинал тихо ворчать в своей будке цепной пёс. Он тоже умирал, как и его хозяин, от старости и уже не мог лаять.

Вместе с поваром жила его дочь Мария, девушка лет восемнадцати. Всё убранство сторожки составляли кровать, хромые скамейки, грубый стол, фаянсовая посуда, покрытая трещинами, и, наконец, клавесин — единственное богатство Марии.

Клавесин был такой старый, что струны его пели долго и тихо в ответ на все возникавшие вокруг звуки. Повар, смеясь, называл клавесин «сторожем своего дома». Никто не мог войти в дом без того, чтобы клавесин не встретил его дрожащим, старческим гулом.

Когда Мария умыла умирающего и надела на него холодную чистую рубаху, старик сказал:

— Я всегда не любил священников и монахов. Я не могу позвать исповедника, между тем мне нужно перед смертью очистить свою совесть. Выйди на улицу и попроси первого встречного зайти в наш дом, чтобы исповедовать умирающего. Тебе никто не откажет.

Мария накинула платок и вышла на пустынную улицу. Она долго ждала и прислушивалась. Наконец ей показалось, что вдоль ограды идёт и напевает человек. Она сделала несколько шагов ему навстречу, столкнулась с ним, вскрикнула, схватила его за руку и дрожащим голосом передала просьбу отца.

Они вошли в дом. При свече Мария увидела худого маленького человека. Он сбросил на скамейку мокрый плащ, и, оказалось, что одет с изяществом и простотой — огонь свечи поблёскивал на его чёрном камзоле, хрустальных пуговицах и кружевном жабо.

Он был ещё очень молод, этот незнакомец. Совсем по-мальчишески он тряхнул головой, поправил напудренный парик, быстро придвинул к кровати табурет, сел и, наклонившись, пристально и весело посмотрел в лицо умирающему.

— Говорите! — сказал он. — Может быть, властью, данной мне не от бога, а от искусства, которому я служу, я облегчу ваши последние минуты и сниму тяжесть с вашей души.

— Я работал всю жизнь, пока не ослеп, — прошептал старик. — А кто работает, у того нет времени грешить. Когда заболела чахоткой моя жена — её звали Мартой — и лекарь прописал ей разные дорогие лекарства и приказал кормить её сливками и винными ягодами и поить горячим красным вином, я украл из сервиза графини Тун маленькое золотое блюдо, разбил его на куски и продал. И мне тяжело теперь вспоминать об этом и скрывать от дочери: я её научил не трогать ни пылинки с чужого стола.

— Так вот, сударь, — сказал незнакомец и положил ладонь на слепые глаза старика, — вы невинны перед людьми. То, что вы совершили, не есть грех и не является кражей, а, наоборот, может быть зачтено вам как подвиг любви. А ещё чего вы хотите?

Тогда умирающий неожиданно улыбнулся и громко сказал:

— Я хотел бы ещё раз увидеть Марту такой, какой я встретил её в молодости. Увидеть солнце и этот старый сад, когда он зацветет весной. Но это невозможно, сударь. Не сердитесь на меня за глупые слова. Болезнь, должно быть, совсем сбила меня с толку.

— Хорошо, — сказал незнакомец и встал. — Хорошо, — повторил он, подошёл к клавесину и сел перед ним на табурет. — Хорошо! — громко сказал он в третий раз, и внезапно быстрый звон рассыпался по сторожке, как будто на пол бросили сотни хрустальных шариков.

Он заиграл. Мария вспоминала потом лицо незнакомца, когда первый клавиш прозвучал под его рукой. Необыкновенная бледность покрыла его лоб, а в потемневших глазах качался язычок свечи. Клавесин пел полным голосом впервые за многие годы. Он наполнял своими звуками не только сторожку, но и весь сад.

— Я вижу, сударь! — сказал старик и приподнялся на кровати. — Я вижу день, когда я встретился с Мартой и она от смущения разбила кувшин с молоком. Это было зимой, в горах.

Небо стояло прозрачное, как синее стекло, и Марта смеялась. Смеялась, — повторил он, прислушиваясь к журчанию струн. Я вижу всё это.

Тихо проскрипела педаль, и клавесин запел торжественно, как будто пел не он, а сотни ликующих голосов.

Старик упал на подушки, жадно дышал и шарил по одеялу руками. Мария бросилась к нему. Незнакомец перестал играть. Он сидел у клавесина не двигаясь, как будто заколдованный собственной музыкой.

Мария вскрикнула. Незнакомец встал и подошёл к кровати. Старик сказал, задыхаясь:

— Я видел всё так ясно, как много лет назад. Но я не хотел бы умереть и не узнать... имя.

Имя!

— Меня зовут Вольфганг Амадей Моцарт, — ответил незнакомец.

Мария отступила от кровати и низко, почти касаясь коленом пола, склонилась перед великим музыкантом.

Когда она выпрямилась, старик был уже мёртв. Заря разгоралась за окнами, и в её свете стоял сад, засыпанный цветами мокрого снега.

ВЕТЕР СКОРОСТИ

Из путевого дневника

Под Москвой леса были насквозь просвечены золотом. Особенно много этого лиственного шумного золота скопилось в оврагах, куда не проникал ветер. А на холмах ветер начисто срывал сухую листву, кружил ее и уносил вдаль. И там, в этой дали, в холодном блеске октябрьского солнца листья временами летели по ветру так густо, что воздух казался от них желтоватым. В такой день начался наш путь из Москвы на запад.

Мало ли мыслей приходит в голову под гул дорожного ветра! А здесь ему было где разгуляться – на автостраде Москва – Минск, серой бетонной ленте, туго натянутой от края до края земли. Дорога эта проходит в стороне от городов и деревень. Города возникают и проносятся по ее сторонам, как виденья.

Днепр под Смоленском блеснул узкой извилиной. Берега его дымились паром. К вечеру показался Смоленск – город, раскинутый на кручах над Днепром. Как за далью открывается новая даль, так смоленская земля непрерывно дарит нам незаурядные русские характеры – от Пржевальского и Глинки до Твардовского и от писателя и охотника Соколова-Микитова до безусловно существующего Василия Теркина – тоже, судя по всем хваткам, уроженца Смоленщины.

Дорога на Витебск резко сворачивает около Орши на север и уходит в песчаные холмы и болота. Шоссе проложено по гатям, залитым асфальтом. От тяжелого хода машин шоссе чуть прогибается и покачивается, как на тугих рессорах.

Исчезли большие смоленские села. Их сменили короткие белорусские деревни. Мальчишки уже не швыряли под колеса машины пыльные кепки, как это было на буйной Смоленщине. И косматые псы уже не мчались, сатанея от хрипа, вслед за проклятой машиной.

Давно, еще в детстве, мне почему-то очень хотелось попасть в Витебск. Я знал, что в этом городе останавливался Наполеон и что в маленьком местечке под Витебском жил художник Шагал. Во время моей юности этот художник прогремел по всей Европе своими картинами. Об этом художнике много говорили и спорили взрослые. Мне нравилась его картина «Парикмахерская в местечке». На картине были изображены кривая вывеска с пышно намыленным жгучим брюнетом во фраке, чахлый фикус и пятнистое, как ягуар, трюмо, похожее на окно в потусторонний мир, – так в нем все было искажено плесенью, разьевавшей зеркальную амальгаму.

Так случилось, что за всю свою жизнь я не встретил ни одного человека, который был бы родом из Витебска. Поэтому некая дымка таинственности окутывала в моих глазах этот город. Редко бывает, что наше представление о чем-нибудь совпадает с действительностью. Но с Витебском случилось именно так.

Мы приехали в Витебск в сумерки. Закат догорал за Двиной. В позднем его огне холмистый город показался очень живописным. В памяти остались овраги среди города, каменные мосты над ними, старинные здания бывших католических или униатских семинарий, колоннады новых домов и ослепительные огни. Нигде я не видел таких ярких и напряженных электрических огней, как в Витебске. Но особенно был хорош Витебск вечерним оживлением своих узких и уютных улиц. В городе соединились черты запада и юга.

К северу от Витебска начинается обширный край лесов и озер. Я не подозревал, что в средней полосе есть места такой девственной красоты и такого живописного разнообразия. Бесчисленные и синие до черноты озера, каменные «гривы», высокие холмы, плавно поднимающиеся к небу шатровые вершины елей, валуны на полянах, пенистые холодные реки, их шум и плеск, резкий воздух с запахом клюквы и хвои, стеклянное треньканье и пересуды синиц, маленькие деревни-погосты с милыми именами – «Соловьи», «Звоны», «Бесенята», сиянье протяжной зари над болотами и звезды в блекнущем и как бы навсегда замолкшем небе – все это казалось нам необыкновенным, будто мы заблудились в старинной сказке. До Пушкинских гор и Михайловского отсюда было уже недалеко.

В селе Пустошка мы остановились на бугре над серым озером, уходившим извилистой полосой в туман. Надо было заправиться бензином. Разговорились с двумя женщинами,

спокойными, сероглазыми, чернобровыми. Должно быть, это были сестры. Они удивились, что машина пришла из Москвы («Ну и даль-то кака-ая!»), и пожалели нас («Ведь это сколько же приходится ехать, мучиться в машине!»).

Над Опочкой дул сумрачный, порывистый ветер. Низкие тучи пронеслись, клубясь, над черепичными крышами. В забрызганные известкой окна гостиницы били капли дождя.

В темной прихожей гостиницы сидел на деревянном диване худой низенький старик в мятой шляпе. Он курил самодельные папиросы и читал книгу. Под потолком горела электрическая лампочка, тоже забрызганная известкой. В гостинице только что окончили ремонт. Пахло мелом и вымытыми полами. Трещали, разгораясь, печи. Хозяйка гостиницы со звучной фамилией Шаляпина рассказывала мне историю своей фамилии. У ее мужа, рядового сельского работника, был мощный бас. За это его прозвали Шаляпиным. Это прозвище так привилось к нему, что при выдаче паспорта милиционер ошибся и вписал в паспорт вместо фамилии прозвище, а муж хозяйки гостиницы промолчал, – фамилия Шаляпин нравилась ему больше, чем его настоящая.

Старик в мятой шляпе оторвался от книги и сказал:

– Я слышал Шаляпина. Неоднократно. Я окончил Московскую консерваторию. По классу композиции.

Старик снял шляпу и неожиданно запел дребезжащим, но приятным баритоном, явно подражая интонациям Шаляпина, шубертовского «Двойника».

Хозяйка гостиницы нахмурилась, но, посмотрев на меня, снисходительно усмехнулась, – ничего, мол, не поделаешь с этим чудаком-композитором.

Ночью над Опочкой буйствовал ветер. Дуло в окно, скрипели от сквозняков двери. Плотная тьма лежала над землей. Ее не могли отодвинуть за город даже яркие электрические фонари.

Я проснулся, прислушался к шуму непогоды, представил себе эту ночь над окрестными болотами, ощутил огромный неуют этой осени, тьмы и подумал о композиторе: как тяжело, должно быть, одинокому человеку в такую ночь.

Утром мы пошли на базар и впервые рассмотрели как следует просторный и тихий городок Опочку. Два огромных здания времен Александра Первого стояли по сторонам мощеной площади. На крепостном валу ронял последние листья городской сад. Внизу шумела, пенясь и вытягивая в струны подводную траву, река Великая. Через Великую был перекинут цепной мост. За мостом в лицо подуло сладковатым запахом антоновки и сосновой щепы. Базарные рундуки были завалены антоновкой. Яблоки были как на подбор – крупные, покрытые на выпуклостях желтизной, похожей на старый воск. Рядом с яблоками лежали горы свежего и чистого товара, который зовут «щепным», – деревянных некрашенных ложек, деревянных лопат, бадеек, грабель и плетенных из лыка лукошек. От этого товара пахло корой, подмерзшим листом.

По пути в Псков начали попадаться около шоссе желтые приземистые дома – почтовые станции пушкинских времен. Чем ближе мы подъезжали к Пушкинским Горам, тем больше волновались, будто нам предстояло встретиться с живым поэтом. Впереди появились две легкие колонны. Дорога проходила между ними. На колоннах были укреплены деревянные лиры. Отсюда, от этих колонн, начинался Пушкинский заповедник.

На холмистой гряде показался Святогорский монастырь. Под его стенами похоронен Пушкин. Мы вглядывались в монастырские здания, серевшие вдаль. Неужели через несколько минут мы будем стоять около могилы поэта? Луч солнца прорвался сквозь тучи и озарил землю. И она вдруг запестрела скрытыми до тех пор красками последних осенних дней.

Но нам так и не удалось попасть на могилу Пушкина. Сонная служащая в гостинице Пушкинского заповедника сказала нам, что «могила закрыта на ремонт». Услышав эти казенные слова: «закрыта на ремонт», сказанные о могиле Пушкина, мы возмутились и хотели было наговорить сонной девице много горьких слов, но поняли, что это бесполезно.

Огорченные, мы поехали в Михайловское, и оно вознаградило нас за неудачу в Пушкинских Горах. Михайловский парк отряхал последние листья, но на клумбах перед домом-музеем доцветали астры. И так же трогателен, как всегда, был домик няни.. Так же трогательны были его низенькие потолки и деревянные колонки на крылечке.

Неясный туман лежал, отсвечивая легким серебром, между вековыми елями главного въезда, над черными прудами, над липами в аллее Анны Керн и над свинцовой водой двух озер – Маленца и Петровского. В тумане едва угадывался песчаный холм, а за ним – Тригорское.

В парк пришли цыгане. Их табор мы видели около Пушкинских Гор. Цыгане подошли к домику няни, о чем-то тихо поговорили между собой, потом ударили в ладоши, и цыганки вдруг начали плясать. Разноцветные шали и юбки разлетелись, будто ветер закружил охапки красных, желтых, лиловых, белых и синих цветов. Эта безмолвная пляска цыганок в совершенно безлюдном парке около дома Пушкина, да еще поздней осенью, когда кочевая жизнь должна давно окончиться, была неожиданна и удивительна. Казалось, что цыганки плясали перед самим Пушкиным и только для него одного.

Наутро, когда мы выехали из Пскова в Лугу, в небе начали накапливаться тучи. Меня, конечно, могут упрекнуть в пристрастии к описанию гроз и других небесных явлений. Но эту грозу под Псковом я, очевидно, буду помнить долго и потому не могу промолчать о ней. Это была стремительная гроза в самый разгар золотой осени, в ту пору года, когда гроз почти не бывает. Взрывы солнечного огня, его косые лучи проносились и тотчас гасли в угрюмой дали. Там узкими домоткаными холстами уже лились на леса и пустоши короткие ливни. Каждый взмах солнца выхватывал из сумрака то одну, то другую отлитую из чистейшей меди березу. Березы вспыхивали, пламенели, дрожали, как исполинские факелы, зажженные по сторонам дороги, и мгновенно гасли за серой стеной дождя.

– Смотрите! Вот здорово! – вскрикивал шофер, и останавливал машину. А это что-нибудь да значит, когда шофер забывает о сцеплении и стартере и протирает смотровое стекло, чтобы не пропустить ни одной перемены в зрелище октябрьской грозы.

За Сиверской в мокром тумане, наползавшем с низин, в радужном сиянии фонарей пронеслась Гатчина – дворец, ограды, пруды, – и с Пулковских высот открылись, наконец, от края до края ненастного горизонта несметные огни Ленинграда.

Сколько раз ни приезжаешь в Ленинград, всегда волнуешься, как перед свиданием с любимым человеком, которого не видел много лет. Но каждый раз этот величественный город встречает тебя, как друга. Даже кажется, что он сетует, что тебя так долго не было. Он как бы спрашивает: где же ты был в белые ночи, когда отражения золоченых шпилей струились в невской воде? Где ты был в хрустящем сентябре, когда воздух пригородных садов заполнил до краев весь город и остановился у берега Финского залива, как бы боясь двинуться дальше в северную даль? Где ты был в зимние дни, когда торжественные здания, колоннады и арки покрывал иней и казалось, что неведомый мастер посеребрил их за одну только ночь? Почему так долго ждали тебя в гулких залах Русского музея и Эрмитажа великие художники мира?

Каждый раз с жестоким сожалением о потерянном времени выходишь на набережные и проспекты, но через несколько минут наступает успокоение. Гармоническая стройность Ленинграда снимает все заботы, все тревоги. Начинаешь не умом, а сердцем понимать, как прав был поэт, когда сказал, что «служенье муз не терпит суеты; прекрасное должно быть величаво». Начинаешь понимать, что прекрасное несовместимо с суетой. И суета уходит, оставляя сердце свободным для восприятия чистых впечатлений.

Эрмитаж берет в плен крепко, на всю жизнь. Пушкин писал о «священном сумраке» царскосельских садов. Это определение – «священный сумрак» – можно с полным правом отнести и к залам Эрмитажа. Их торжественный полусвет заполнен великолепием красок. Кажется, не хватит жизни, чтобы проникнуться этим живописным богатством, изучить россыпи мастерства.

Блестящая галерея героев 12-го года, лоджии Рафаэля, осенние краски Тициана, средневековые харчевни фламандцев с их гулом волюнок и треском колбасы на раскаленных жаровнях, вырванные из мрака лица на полотнах Рембрандта, мерцающий, как старое стекло, воздух Венеции у Каналетто, зловещая сила Эль-Греко, дым, изгибы развеваемых одежд, румяные итальянские зори, мрак кудрявых лесов, девичья печаль мадонн Леонардо! Нужны сотни страниц, чтобы перечислить все, что так мгновенно входит в память и потом вновь и вновь настойчиво возвращает к себе.

У каждого есть свои любимые пути по Ленинграду. Из Эрмитажа мы пошли в Летний сад. Зеленоватый туман стекал каплями с мокрых ветвей. Бронзовый баснописец Крылов добродушно дремал, окруженный этим туманом. Вдалеке поблескивали наново позолоченные пики знаменитой ограды. Из Летнего мы прошли в Михайловский сад. В Лебяжьей канавке виднелось дно, покрытое сгнившими ветками. Зябко покрикивая, проходили мимо машины. Через Михайловский сад мы вышли к Русскому музею. Снова знакомые картины обступили нас тесной толпой. Но каждый раз среди этих старых знакомцев появлялись находки. На этот раз я как бы впервые увидел волшебный портрет Самойловой работы Карла Брюллова. И увидел нового Куинджи – обрывистый берег Азовского моря, пышущий степным пламенем, кобальтовым морским зноем.

Ненастье кончилось. Вернулись светлые дни. Проспекты и Нева были задымлены слабым туманом. Желтые листья сыпались легким роем в Мойку. Стройный морской катер из красного дерева неся по этим листьям, оставляя за кормой темную водяную дорожку.

Потом начались окраины, крупный бульжник мостовой, дровяные склады, звон круглых пил, запах стружки, заброшенные особняки с обвалившимися гербами и прозрачными чугунными воротами. Каналы разветвлялись под черными горбатыми мостами. Гранитные берега исчезли. Кое-где посреди набережных росли могучие деревья..

Наконец мы вышли на безлюдную набережную реки Пряжки. Увядшая трава покрывала откосы. На мостках сидели молчаливые рыболовы. За Пряжкой дымил завод. Дома вдоль Пряжки были старые, низкие, и только один дом выделялся среди них. Он был в четыре этажа – обыкновенный дом со скучными балконами, выходившими в сторону взморья. На этом доме мы увидели мраморную доску с надписью, что здесь жил и умер поэт Александр Блок. Сначала показалось странным, что Блок выбрал для жизни место, столь несвойственное его поэзии. Это была заводская дымная окраина. Дом стоял далеко от шума и огней Невского. Он был вынесен, как передовой форт, в устье Невы и первый встречал удары бурь и наводнений. Странность этого блоковского жилища требовала объяснения. Оно заключалось, очевидно, в желании поэта уйти в свой дом, как в крепость, приблизить его к заливу, к рано затихающей окраине, где по ночам шумит за стеной терпеливый обветренный вяз. Можно, отложив книгу, слушать шелест его холодных листьев и скрип горячей воды в батарее отопления и думать о том, «как мы, поэты, ценим жизнь в мимолетных мелочах». Кто знает, может быть это желание и руководило Блоком, когда он выбирал свое жилище.

Мы выехали из Ленинграда в Нарву в яркое льдистое утро. Крутая синяя волна плескалась в невский берег. Ближе к вечеру над теснинами пенистой реки Нарвы показались громады крепости в Ивангороде, а на другом берегу – средневековый город Нарва. В Нарве началась Эстония.

«Победа» мчится. Первые впечатления так же быстры, как бег машины. Узкие и извилистые асфальтовые дороги. Одинокие дома-мызы из дикого камня, похожие на форты. Замшелая черепица. Старые вязы. Шоссе из огромных цементных плит шло через заболоченные леса. Цемент гулко пел под баллонами машины. Леса срезало сразу. Вдали над равниной появился высокий Таллинский маяк.

Высокая площадь, а за ней – нагромождение башен, шпилей, крутых аспидных крыш, дым и мгlistая даль залива. Залив вплотную сливается с небом. Черные корабли на рейде как будто висят в воздухе. Над ними и под ними залегли синеватые облака. Глаз не сразу может привыкнуть к этому зрелищу, и трудно еще догадаться, где настоящие облака, а где их отражения в воде.

Да, Таллин, конечно, принадлежит больше морю, нежели эстонской суше с ее скромными травами и размытым белесоватым небом. Над портом ровными колоннами подымается дым из пароводных труб. В морской дали, приглядевшись, можно различить очертания островов. Они похожи на расплывшиеся по воде темные пятна.

В улицах около порта пахнет каменноугольным дымом и рыбой. И всюду моряки – молодые матросы с военных кораблей и медлительные русые люди в расстегнутых куртках и тельниках – эстонские рыбаки. Глаза у них цвета балтийской воды – серые, спокойные, с легкой голубизной.

Таллин – город мореплавателей. История многих открытий и морских походов началась здесь, на этих игрушечных улицах, в городе, похожем по вечерам на освещенную изнутри большую елочную игрушку.

На второй день после приезда в Таллин мы осматривали собор Святой Девы в Вышгороде. Он ушел от старости в землю почти на два метра. Внутри собор казался вылепленным из сумрака. Только рыцарские щиты блестели на стенах золотом, фольгой и разноцветной эмалью. Под плитами пола были похоронены члены магистрата, рыцари, начальники ремесленных цехов и председатели гильдий. О том, кто лежит под ногами, можно было судить по барельефам на плитах пола. Над могилами рыцарей были плоские их изображения в забралах и латах. Над могилой начальника цеха башмачников был высечен огромный ботфорт, а над могилой начальника цеха мясников – могучий бык.

Седой смотритель, эстонец, бывший учитель истории, подвел нас к двум мраморным надгробьям. По сторонам их склонялись выцветшие от тропического солнца, потрепанные бурями андреевские флаги. Это были могилы адмиралов Беллинсгаузена и Врангеля – уроженцев Эстонии. Беллинсгаузен открыл вместе с Лазаревым на другом конце земли ледяной материк Антарктиды. Дневник Беллинсгаузена об этом плавании – почти классическое произведение нашей литературы. Он точен, скуп на слова. И прекрасен тем, что сквозь эту скупость неожиданно прорываются слова о мрачной красоте Антарктиды и величии русского матроса.

Тут же, под сенью таких же андреевских флагов, лежит адмирал Врангель – исследователь Арктики, провидец, догадавшийся по ряду едва заметных признаков о существовании в океане около восточных берегов Сибири большого острова. Этот остров открыли после смерти старого адмирала и назвали его именем.

Мы простились с учителем и вышли на средневековые улицы Вышгорода. Снизу доносился ровный гул города, порта, заводов, заглушённый говор людских толп. Жизнь шла своим путем. И я вспомнил слова Короленко: «На одну и ту же старинную башню каждое поколение смотрит иными глазами».

Где-то за Пярну мы остановились отдохнуть в сосновом лесу. За грядой дюн вполголоса шумело море. Кричали гагары. И лес вокруг был северный – мшистый, весь в спелой бруснике и старых грибах. Белый мох на сосновой коре пропитался водой, как губка, – должно быть, с моря по утрам наносило туман. И воздух был северный – серый и холодноватый.

Под Ригой в полночь туман сошел, и сотни огней, перебегая, начали путать перед нами карту незнакомого города. Мы въехали в широкую улицу и остановились под тенью деревьев. В ушах еще долго гудел дорожный ветер. В Риге гостиницы были переполнены. Пришлось остановиться на взморье, в закрытом на зиму доме отдыха в Дубултах. Нам отвели один из флигелей в глубине парка, прибрали его и протопили.

Есть своя прелесть в опустевших дачных поселках. Недаром покинутые дачи были даже предметом литературы. Вспомните хотя бы осенние фонтаны под Одессой в «Гранатовом браслете» Куприна. Три обстоятельства ощущались сейчас в Дубултах, почти как счастье: покой, сосредоточенность и возможность в любую минуту выйти в парк, где все шуршит и вместе с тем все дремлет в легчайшей воздушной мгле. Мгла эта наплывает с Рижского залива. До него – несколько шагов. Он пустынен, тих. На песчаном дне видна рябь, похожая на рыбу чешую. Низкие берега исчезают в тумане. Ветра нет, но все же изредка откуда-то потянет солоноватым запахом открытого моря. Пляж отдыхает. Крошечные сосны смело выглядывают из песчаных нор. Там они прятались летом, боясь, что их затопчут. Почему-то эти заброшенные дачи вызывают воспоминания о юношеской любви, молчаливой разлуке. В воспоминаниях этих нет горечи. Они приходят, как улыбка. И вместе с ней уходят.

Бывают города-труженики, города-коммерсанты, города-музеи, города-венценосцы. И бывают, наконец, города-авантюристы. Все эти определения относятся к городам Запада, а у нас – к далекому прошлому. Москва была городом-купчихой, Петербург – венценосцем, Одесса – негоциантом, Новгород – музеем, а Митава, теперешняя Елгава, была городом-авантюристом. Трудно сказать, в силу каких причин этот городок – бывшая столица Лифляндии – стал надежным приютом для авантюристов всей Европы, для французской знати, спасавшейся от революции, и для низложенных королей. В Митаве жил Калиостро и блистала красавица авантюристка

герцогиня Кингстон с выжженным на плече клеймом английского каторжника. В Митаве скрывались последние Бурбоны и проводил время в полной праздности и роскоши польский король без королевства Станислав Понятовский. Сейчас от этого прошлого остался только полуразрушенный дворец. Он восстанавливается. В нем будет размещен сельскохозяйственный институт.

Мы не заметили пограничную арку между Латвией и Литвой. А между тем все вокруг изменилось. Пахнуло чем-то родным и чуть-чуть стародавним, и мы догадались, что мы едем уже по Литве. Только черные распятия на перекрестках, маленькие узорчатые часовни-каплицы, похожие на голубятни, да кровли сельских костелов отличали Литву от наших мест.

Мы с нетерпением ждали первого попутного города. Всегда ведь ждешь этого первого города в каждой новой стране. И он, наконец, появился. Назывался этот город Ионишкис. Он совершенно пленил нас своим уютом и простодушием. Тесные торговые ряды, постоянный двор, мостовые, усыпанные сеном, илистая речушка, мальчишки с неизменными удочками, седые продавцы-патриархи в подтяжках на пороге темных магазинов-«склепов» и высокий костел.

Совершенно другим городом оказался Шяуляй. Новенький, чистый, с хорошими небольшими зданиями, он стоял на горе, как крепость.

Пасмурное небо расчистилось. Легкая синева опустилась на землю, и в этой синеве необыкновенно жарко заблестало солнце. После Шяуляя начались такие места, что мы только ахали от изумления.

Каждый раз, когда машина взлетала на высокий перевал, перед нами открывалась такая драгоценная лесная даль, такая праздничная, волшебная страна, такое свежее дыхание врывалось в открытые окна машины, что у нас захватывало сердце. За всю дорогу мы не видели ничего подобного. Мы завидовали всем, кто жил в этих местах: путевому сторожу, каждой девочке, бежавшей с кошелкой по обочине дороги, каждой птице, пролетающей сквозь заросли. Она как будто купалась в золоченой воде. Листья, как крупные брызги, разлетались в стороны, но богатый наряд на дереве от этого не редел.

К ночи засияли огни Каунаса. Начался спуск к Неману среди таких поднебесных ив, что ночь под ними сразу стала во много раз плотнее. Даже сильные автомобильные фары не могли отогнать эту ночную темноту за край шоссе.

Есть города, где кажется, что все жители хорошо знают друг друга. Такое же впечатление остается от Каунаса. Этот город патриархальный в хорошем смысле слова. В вечер приезда мы пошли поужинать в ресторан. Официанты были добродушны и деликатны. Оркестранты играли, но не надо было кричать, чтобы расслышать друг друга. За соседним столиком юноши, похожие на студентов, попросив разрешения у соседей, тихо напевали литовские песни.

У Каунаса – старые художественные традиции. В Каунасе жили и работали художники Добужинский и Чюрленис.

Мне рассказывали, что в Каунасе была лучшая в мире коллекция бабочек всех стран земного шара. Она не уступала в ценности и красоте хорошей картинной галерее. Ее собрал ученый, уроженец Каунаса (фамилию его я, к сожалению, забыл). Он объездил весь мир, особенно долго прожил на островах Тихого океана и вернулся под старость в свой родной город. Куда девалась эта коллекция – никто не знает.

В одном из магазинов Каунаса я видел картину неизвестного местного художника – портрет девочки. Картина поражала чистотой и спокойствием красок, бледным и очень серьезным лицом маленькой девочки. Но фон у картины был странный. Он был составлен из больших кругов, окрашенных в бледные цвета. И я подумал: не ученик ли Чюрлениса написал эту картину?

Чюрленис был замечательным живописцем. Многие его картины, правда, фантастичны, как сны. Но если отбросить их, то у Чюрлениса останутся удивительные вещи. Пожалуй, никто из художников не передавал с таким мастерством ночь и звездное небо, как это сделал Чюрленис в серии своих картин «Знаки Зодиака». Я запомнил еще одну картину Чюрлениса – «Сказка». Волшебник держит в ладонях хрустальный граненый шар. Вокруг – ночь. Шар излучает напряженный магический свет. Он прозрачен. Внутри шара виден старинный город, переливающийся, как алмаз, всеми красками радуги.

Днем мы выехали из Каунаса в Вильнюс по дороге над рекой Нерис. Дорога извилиста и разнообразна. Холмы, кряжистые леса, крошечные не то городки, не то села. Троцкие озера... Все это сменяется быстро и неожиданно.

На этом небольшом клочке земли как будто нарочно собраны все приметы страны. И опять хочется остановиться и пожить здесь, чтобы проникнуть в самую гущу литовской народной жизни, – судя по первому впечатлению, жизни очень простой, трудовой и честной.

С Заковой горы, с башни Гедиминаса виден весь Вильнюс, окруженный по возвышенности темными лесами. Город лежит как бы в чаше, наполненной туманным воздухом и ворохами лимонных листьев. То, что сверху кажется нам ворохами листьев там, внизу, – большие сады. Из этих садов то тут, то там подымаются башни церквей и кровли домов.

Много есть хороших городов, но нет такого города, как Вильнюс, где бы прекрасная архитектура была так тесно собрана на небольшом пространстве и вплотную окружена сельским простодушным пейзажем.

Мы долго сидели на парапете башни Гедиминаса и смотрели на этот город, налитанный своей историей и культурой до мельчайших пор, до каждой подворотни.

В одну из таких маленьких подворотен, кажется на Бернардинской улице, мы вошли с тем чувством, какое называют, за отсутствием более точного слова, благоговением. Над этой подворотней, на старенькой, потрескавшейся стене была прибита доска с короткой надписью: «Здесь жил Мицкевич». Подворотня вела в крошечный двор, замкнутый со всех сторон стенами невысокого дома с деревянной обветшалой галереей над первым этажом. Дикий виноград оплетал галерею. Между булыжниками во дворе росла трава. Над воротами висел старый герб Вильнюса: святой Христофор переносит через ручей младенца. Пройдя подворотню, мы сразу переступили больше чем на столетие назад. Все здесь оставалось таким, каким было при Мицкевиче.

Я не знаю, в чем очарование мест, связанных с памятью замечательных людей. Но оно бесспорно. «Отчизна милая, Литва, ты, как здоровье: тот дорожит тобой, как собственной кровью, кто потерял тебя!» Да, вот она вокруг, любимая его Литва, погруженная в трепещущий от легких ветров воздух, наполненная щебетом птиц, спокойная и сильная, как рука пахаря. У Мицкевича был большой импровизационный дар. Возможно, что этот род таланта является самым свободным и богатым. Он возникает от большой внутренней наполненности, от щедрости, оттого, что человек легко находит поэзию даже в самых прозаических явлениях жизни.

Мне кажется, что прогулки по Вильнюсу с некоторым правом можно назвать прогулками по «маленькому Риму».

В Вильнюсе живет милейший человек, архитектор Ян Александрович Кумпис, влюбленный в город, в Литву, ее архитектуру и природу. Нам повезло: Кумпис нам показывал Вильнюс. В его ведении как архитектора находится не только все новое строительство в республике, но и охрана старинных зданий. Денег на охрану и реставрацию этих зданий не хватает. Кумпис нашел выход. Он прибил буквально ко всем зданиям Вильнюса, – а им несть числа, – охранные доски. Это хотя и не всегда, но все же действует. Люди начинают с уважением относиться к тем домам, где они живут, и сами берут на себя заботу о них.

Мы смотрели в Вильнюсе башню Гедиминаса, костелы, усыпальницу Сапеги, университет, Острую Брамму, старинные кварталы и сады.

Невозможно описать все это. Но самым поразительным был костел святой Анны. Я видел его еще в детстве, восьмилетним мальчиком, и запомнил еще с тех пор. Но сейчас он показался мне лучшим, чем по воспоминаниям детства. Это чистейший образец готического стиля, когда готика была еще очень простой и ясной. Большой костел кажется легким, не имеющим веса. Недаром Наполеон говорил, что он осторожно перенес бы его на ладонях в Париж.

Есть еще один костел святого Петра и Павла со множеством мраморных статуй. Я не помню их числа. Кажется, их около полутора тысяч. До сих пор не удалось выяснить имена скульпторов, создавших это причудливое собрание скульптур. Должно быть, это были итальянцы. Весь костел залит слабым и теплым отсветом мрамора.

...Мы попрощались с Вильнюсом, с тем чтобы обязательно вернуться в этот милый город.

В утро отъезда продолжали падать с деревьев розовые листья. Снова литовские дали раскинулись перед нами, затянутые слабым дымком.

Леса, холмы, местечко Сморгонь, где Наполеон бежал от своей разбитой армии, потом Белоруссия, Молодечно, новый нарядный Минск, знакомая Смоленщина и родная московская земля, звонкая от первого мороза.

Круг сомкнулся. Усталая горячая машина остановилась у подъезда московского дома, покрытая пылью четырех тысяч километров пути. Наша поездка была больше похожа на полет. Она прошла стремительно. Но она наполнила нас ощущением разнообразия жизни, новыми знаниями и чувством неиссякаемой красоты земли.

1954

(По К. Паустовскому)

DIE SCHMUTZIGE ARJA

In einem ganz kleinen Haus an einem See in Finnland lebten drei Schwestern. Zwei von ihnen waren sehr stolz und selbstüchtig. Sie unternahmen immer alles gemeinsam, ohne ihre jüngste Schwester mitzunehmen. Diese hieß Arja und musste alle Arbeit tun. Sie heizte die Sauna, säuberte sie wieder nach dem Bad. Sie wusch, putzte und fegte. Deshalb war sie oft in alte Lumpen gekleidet und ein wenig schmutzig. Höhnisch nannten ihre Schwestern sie stets „die schmutzige Arja“.

An einem Sonntagmorgen wollten die beiden älteren Geschwister in die Kirche gehen. Sie verboten aber Arja, mit ihnen zu kommen, weil sie sich ihrer schämten. So durfte Arja sich erst später auf den Weg machen.

Unterwegs trafen die älteren Schwestern ein Lämmchen, dessen Wolle schon sehr lang, dick und zottig war. Es schien sehr unter der Hitze zu leiden und bat die Mädchen, es doch zu scheren. Diese aber hoben stolz ihre Näschen in die Luft und setzten mit einem verächtlichen Schulterzucken ihren Weg fort.

Nach einer Weile begegnete ihnen eine Kuh, die die Mädchen anflehte, sie doch zu melken. Aber auch für dieses arme Tier hatten die Geschwister kein Verständnis.

„Wir haben keine Zeit, alle möglichen Kühe zu melken“, sagten sie und setzten ihren Weg fort.

Später trafen sie noch einen alten Mann, der auf einem Stein saß und zu schwach war, um aufzustehen. Aber auch für ihn hatten die Mädchen nur ein Naserümpfen, helfen wollten sie ihm gar nicht.

Eine kurze Weile nach ihnen folgte Arja. Als sie das Lämmchen sah, schor sie es, ohne dass es ein Wort zu sagen brauchte. Sie molk die Kuh, half dem alten Mann auf die Beine und begleitete ihn auch noch ein Stück.

Zum Zeichen seines Dankes schenkte der alte Mann Arja einen Zauberstab und erklärte: „Wenn du diesen Weg weitergehst, kommst du zu einem großen Stein. Berühre ihn mit diesem Stab. Dann erhältst du deine Belohnung.“

Arja dankte ihm und tat, wie er ihr geraten hatte.

Als das Mädchen zu dem Stein gelangte und ihn mit dem Stab berührte, sprang der Stein auf. In seinem Innern fand Arja eine große Kiste, die mit Silbertalern gefüllt war. Jetzt war sie nicht mehr auf ihre eigensüchtigen Schwestern angewiesen. Sie kaufte sich ein eigenes Häuschen an einem See und lebte dort glücklich und zufrieden.

DEUTSCHE KÜCHE = BRATWURST?

Würste sind in den meisten Ländern der Welt gleichbedeutend mit deutscher Küche. Sie sind ganz offensichtlich eine beliebte Fastfood-Variante, die Besuchern in Deutschland auffällt: ob als Curry-Wurst, Thüringer oder Nürnberger Würstchen, im Brötchen oder zum Kartoffelsalat. Im Sommer liegen sie auf jedem Grill.

Man wird es kaum glauben, aber die deutschen Würstchen sind selbst im fernen Japan allgegenwärtig und sehr beliebt: Frankfurter Würstchen gibt es auf jedem japanischen Volksfest und in vielen Supermärkten zu kaufen. Und zwar, welche Unterschiede gibt es zwischen den beiden Küchen aus japanischer Sicht?

Deutsche Essgewohnheiten unterscheiden sich von japanischen in vielerlei Hinsicht. Deutsche Gerichte sind in der Tat stärker gewürzt, salziger und fettiger als japanische. Viele Europäer sind der Meinung, dass die deutschen Portionen sehr groß sind – und die Deutschen vor allem sehr viel essen. Der Grund liegt sicher auch darin, dass die deutsche Essfolge eine gänzlich andere als die japanische ist. In Deutschland wird pro Person ein Gericht serviert, wobei sich alle Speisen auf einem Teller befinden. In Japan werden unzählige verschiedene Gerichte in kleinen Schälchen serviert, die gemeinsam verzehrt werden.

Dieser Unterschied wird bei Japanern, die Deutschland besuchen, oft vergessen. Es werden zahlreiche verschiedene Gerichte bestellt, die auch ein „normaler“ Deutscher nicht essen könnte. Hinzu kommt die Speisekombination: Heringe, Sauerkraut, Knödel, Blutwurst, Kaiserschmarrn usw. werden auch einmal gleichzeitig bestellt. In der japanischen Speisefolge ist es normal, ein Fischgericht zusammen mit einem Fleischgericht zu servieren. In Deutschland werden die Speisen in einzelnen Gängen angeboten, d. h., die voneinander abgegrenzten Gerichte werden nacheinander serviert (Menüfolge).

In Deutschland kommen viele auch im Ausland bekannte traditionelle Spezialitäten wie Eisbein mit Sauerkraut oder Schweinshaxe mittlerweile nur noch selten auf den Tisch. Die fettreichen Speisen, die früher die Menschen durch die kargen Wintermonate brachten, haben diesen Zweck eingebüßt. Ausländische Gäste sind verwundert, wenn sie auf Deutsche treffen, die diese typischen Gerichte noch nie gegessen haben ... Viele deutsche Gerichte werden nur noch zu besonderen Gelegenheiten gegessen. Internationale Spezialitäten ergänzen die traditionelle deutsche Küche. Gerade junge Deutsche achten verstärkt auf abwechslungsreiches und gesundes Essen. Viele lehnen Fleisch sogar gänzlich ab. Der heutige Speisezettel ist vor allem durch die Nachbarstaaten stark beeinflusst, z. B. Frankreich und Italien. Der aktuelle Trend liegt auf asiatischem Essen ([kulturelle Einflüsse](#)). Zu bedenken sind aber auch regionale Unterschiede, die bis heute einen starken Einfluss auf die täglichen Essgewohnheiten in Deutschland ausüben.

Bald feiert die Jeans ihren 150. Geburtstag. Unser liebstes Beinkleid, das aus kaum einen Schrank mehr wegzudenken ist, wurde am 20. Mai 1873 patentiert. Die Geschichte der Jeans begann als Arbeiterhose, die erst von Goldgräbern, dann von Cowboys, Farmern und Holzfällern, später auch von Soldaten getragen wurden. Heute ist sie aus keinem Schrank der Welt mehr wegzudenken, kaum einer hat nicht mindestens 1 Paar Jeanshosen darin.

Doch egal ob einfach und günstig, ob aufwendiger und Marke, oder exklusiv und Designer, alle Jeanshosen haben eines gemeinsam: Sie sind strapazierfähig und robust geblieben. Nur zieren sie heute nicht mehr nur die Körper von Arbeitern, sondern sind ein Outfit für jede Lebenslage.

Die Geschichte der Jeans ist eine Geschichte voller Missverständnisse. Sie beginnt nicht, wie viele vermuten, im Wilden Westen, sondern in einem kleinen Ort in Bayern namens Buttenheim. Hier wurde am 26. Februar 1829 Löb Strauß geboren. Er stammt aus einer armen jüdischen Familie. Seine Auswanderung in die Vereinigten Staaten war daher keinesfalls freiwillig. 1816 trat in Bayern das Judenedikt in Kraft, wodurch die Juden den Christen rechtlich fast gleichgestellt waren, jedoch auch für jeden Ort eine Höchstzahl jüdischer Familien festgelegt wurde. Damit war die Möglichkeit der Familiengründung für Juden beschränkt, und als die nächste Generation herangewachsen war, verließen viele Juden Bayern in Richtung USA.

Als Löb Strauß 16 Jahre alt war und sein Vater verstarb, gab es keine Alternative mehr: Familie Strauß wanderte in die USA aus. Den jungen Löb zog es nach San Francisco, weil er hoffte, dort vom Goldrausch zu profitieren.

Im Alter von 23 Jahren wurde er amerikanischer Staatsbürger und nannte sich seitdem Levi Strauss. Nachdem er seinen Unterhalt als Straßenhändler verdiente, wurde er Tuchhändler. Statt selbst Gold zu schürfen, verkauft er den Goldschürfern u. a. Zelte.

Der Legende nach fragte ihn einer der Goldschürfer eines Tages, ob er statt robuster Zeltplanen auch stabile Hosen verkaufen könnte, die nicht so schnell zerschleißen wie herkömmliche Hosen. Levi Strauss ging mit diesem Mann zu einem Schneider und ließ für ihn eine Hose aus Zeltstoff fertigen.

Strauss experimentierte bald darauf mit neuen Stoffen und stieß so auf den sehr dicht gewebten Baumwollstoff aus Nîmes, der mit Indigo blau gefärbt wurde. Der Stoff wurde aufgrund seiner Herkunft Denim genannt („de Nîmes“).

1870 entwickelte der Schneider Jakob Davis die klassische Form mit verstärkenden Nieten, die Levi Strauss ab 1873 in seinem Kurzwarenhandel zum Verkauf anbot. Die Produktion seiner Baumwollhosen machte Levi Strauss reicher als er sich in seinen kühnsten Hoffnungen erträumt hätte.

Levi Strauss nannte seine Erfindung sein Leben lang „waist overall“. Der Begriff Blue Jeans für diese strapazierfähige Hose wurde erst nach seinem Tod erfunden. Er stammt von "Bleu de Gênes", da die italienische Stadt Genua als Textilhandelshafen bekannt war und von dort Indigo in die USA importiert wurde.

Nach Europa kam die Jeanshose durch den Zweiten Weltkrieg, denn amerikanische Soldaten trugen Jeans.

Nietenhose oder Texashose wurde die Jeans in Deutschland auch genannt und sie hatte zu Beginn keinen leichten Stand. Es wurde dagegen gewettert und sie galt auch als Symbol des Protests gegen Autorität und Tradition. In der DDR war das Tragen zeitweise sogar verboten (z. B. in Schulen oder auf Tanzveranstaltungen).

Dennoch konnte nichts den Erfolg verhindern und Filmstars wie Marlon Brando oder James Dean steigerten ihren Bekanntheits- und Beliebtheitsgrad. 1948 wurden die ersten Jeans in Europa hergestellt und seit 1953 gibt es auch Modelle für Frauen.

HURRIKANS

Hurrikans (auch: Hurrikane) sind tropische Wirbelstürme, die vor allem ab August über die karibischen Inseln, den Golf von Mexiko und Florida ziehen. Das Wort „Hurrikan“ bedeutete ursprünglich bei den Eingeborenen Mittelamerikas so viel wie „Gott des Windes“.

Hurrikans haben eine Windgeschwindigkeit von mindestens 118 Kilometern pro Stunde – das entspricht der Windstärke 12 – und können schwere Verwüstungen anrichten. Außerdem bringen sie starke Regenfälle und Sturmfluten.

Hurrikans entstehen über dem Atlantischen Ozean, wenn die Wassertemperatur mindestens 27 Grad erreicht. Durch die starke Verdunstung gelangt viel Wasserdampf in die Atmosphäre, so dass bei dessen Kondensation in höheren Luftschichten enorm viel Wärme-Energie frei wird. Dadurch entstehen hoch aufgetürmte Wolken und Gewitter-Zellen. Durch die Erddrehung bekommen sie den gefürchteten Drehimpuls, der sie zu einem Wirbel werden lässt. Die Passatströmung von der Saharawüste Richtung Amerika schiebt sie dann weiter über den Atlantik.

In der Mitte dieses Wirbels lösen sich alle Wolken auf, und es herrscht beinahe Windstille. Hier spricht man vom „Auge des Wirbelsturms“. Befindet man sich in diesem Auge, passiert gar nichts. Fegt aber der Wirbel über einen her, regnet es und alles, was nicht niet- und nagelfest ist, wird vom Sturm zerrüttet. Die hohen Geschwindigkeiten, die Hurrikans erreichen können, werden durch enorme Luftdruck-Unterschiede ausgelöst, die in ihnen herrschen.

Die Hurrikans eines Jahres werden in der Reihenfolge des Alphabets abwechselnd mit einem männlichen und weiblichen Vornamen benannt. Da der erste benannte Sturm eines jeden Jahres mit „A“ anfängt, kann man leicht erkennen, wie viele Stürme es schon gegeben hat.

Ein besonders schlimmer Hurrikan war Katrina, der elfte Sturm des Jahres 2005. Er fegte mit verheerenden Folgen über den südöstlichen Teil der USA: Rund 1800 Menschen verloren dabei ihr Leben. Die Sachschäden lagen bei über 81 Milliarden Dollar, New Orleans stand bis zu 7,60 Meter unter Wasser.

Bereits jetzt hat die atlantische Hurrikan-Saison alle Rekorde geschlagen. Doch Klimaforscher stellen weitere Steigerungen in Aussicht. Insbesondere dürfte die Gewalt der Stürme zunehmen. So könnte sich nach einer Modellrechnung der US-Behörde für Meeres- und Atmosphärenforschung (NOAA) die Zahl der Hurrikane, die in die höchste Kategorie 5 eingestuft werden müssen, im tropischen Nordatlantik verdreifachen. In diesem Meeresgebiet wuchs die Macht der Riesenwirbel schon seit einiger Zeit: „Der tropische Nordatlantik hat sich seit den 70er-Jahren um etwa ein Grad Celsius erwärmt. Die höheren Temperaturen führen den Stürmen mehr Energie zu“, erklärt Stefan Rahmstorf vom Potsdam-Institut für Klimafolgenforschung.

VERTEIDIGUNG

Mama küsste mich nun auf die Stirn. „Na, gehen wir!“, sagte sie. „Geh ruhig schlafen. Wir kommen bald wieder.“ Ich schielte zum Vater hin. Er stand in Hut und Mantel und hielt ein Riesens bouquet hellroter Rosen in der Hand. „Bis auf später!“, sagte er. Er wickelte die Rosen in eine Zeitung. Mama zog einen glänzenden Pelzmantel über. Sie verließen die Wohnung und winkten mir zu.

Ich aber winkte nicht zurück. In meinem Herzen war es bitter. Als sie aus dem Zimmer fortgegangen waren, wurde es ungewöhnlich still. Ich konnte hören, wie die Uhr auf dem Kamin tickte. Der hässlich zugerichtete Rosenbusch starrte mit seinen stumpf gewordenen Zweigen vor dem nächtlichen Fenster. Zwischen den smaragdnen Blättern blinkte eine kleine, vergessene Knospe wie ein rotes Vögelchen. Ich kletterte auf den Stuhl und streichelte es mit dem Finger.

Der Kamin gähnte mit schwarzem Rachen, seine Gitterstäbe waren Zähne. Der dunkelrote altertümliche Geschirrschrank blinkte vor der gegenüberliegenden Wand mit trüben Glasscheiben. Finster hockte der alte Diwan wie ein Riese da – mit einem runden Spiegel statt eines Kopfes. Neben dem weggeschobenen Wandschirm in der Ecke schimmerte mein kleines, bereits zurechtgemachtes Bett. Aber zum Schlafen hatte ich keine Lust. Die Uhr tickte so angestrengt, dass es schien, als würde gleich etwas geschehen. Auf dem Tisch stand mein Abendbrot – goldener Tee im Glas, ein Löffel drin, Brot und eine Frikadelle auf dem Teller.

Die Frikadelle erinnerte mich wieder schrecklich an den verwilderten Jungen im Restaurant, an seine kleine, schmutzige Faust ... Und wenn er nun plötzlich hereinkam? Er kommt, er kommt, blinzelte der Geschirrschrank, und die Uhr beeilte sich zu ticken: herein, herein, herein, herein ...

„Er kommt nicht herein“, sagte ich laut. „Wie soll er denn hereinkommen?“

„Herein, herein!“, murmelte die Uhr.

„Was faselst du da!“, sagte ich laut.

Wenn man laut spricht, ist es nicht mehr so unheimlich, man fühlt sich sicherer.

Auf dem Tisch neben dem Teller lagen Messer und Gabel. „Oho!“, sagte ich mit schrecklicher Stimme. „Wir haben ein Messer! Ein fabelhaft scharfes Messer!“ Ich nahm das Messer und schwang es einige Male durch die Luft. „Fa-bel-haft!“, wiederholte ich und ging dabei im Zimmer auf und ab. „Wunderbar! Ein Messer! Das ist gut, so ein Messer!“

Der Herumstreuner musste trotzdem irgendwo in der Nähe sein. Natürlich gut versteckt! Ich fühlte ihn in meinem Rücken. Rasch drehte ich mich zum Fenster – es gähnte pechschwarz. Der Rosenstrauch, nun schon gar nicht mehr rot, stand vereinsamt auf der Fensterbank. Mir kam es vor, als flitzte hinter dem Fenster ein zottiger Schatten vorbei.

Es rauschte im Kamin. Wieder drehte ich mich um. Das war der Wind im Kamin – oder war es nicht der Wind? „Wir haben ein Messer und noch was!“, sagte ich zum Kamin. Der Kamin schwieg und bleckte die Gitterzähne. Alles im Zimmer beobachtete mich schweigend: der Diwan, der Geschirrschrank. Er ist hier, ist hier, sagte die Uhr und hörte nicht damit auf.

„Man müsste die Tür verbarrikadieren!“, sagte ich zu mir selbst. „Dann wäre es sicherer.“ Ich schleppte Koffer und Stühle zur Tür. Ich entwickelte eine wilde Tätigkeit, ließ aber das Messer nicht aus der Hand. Der Herumstreuner sollte das ruhig sehen, wenn er mir zusah! Zwei Stühle legte ich vor die Tür auf den Boden, darauf türmte ich noch zwei, und vor die Stühle stellte ich aufrecht zwei verstaubte Koffer, die ich unter dem Bett hervorgeholt hatte. Ich war so müde, dass mir der Schweiß ausbrach. Aber nun war es nicht mehr ganz so schrecklich. Immerhin war die Tür verrammelt. Ich setzte mich vor der Barrikade auf den Fußboden, mit dem Gesicht zur Tür, schlug die Beine übereinander wie Sussmann, wenn er auf dem Tisch saß und nähte. Sussman nannte das „Sitzen auf östliche Art“. So sollten die Beine nicht müde werden – na also! Dann eben auf östliche Art!

Mama sagte mir später, dass sie und mein Vater mich schlafend vorgefunden hätten, hinter der verbarrikadierten Tür, mit dem Messer in der Hand.

WER HAT BRIEFMARKEN ERFUNDEN?

Wer zu Weihnachten Briefe oder Postkarten verschicken will, der braucht Briefmarken. Diese Postwertzeichen gab es nicht immer. Vor ihrer Erfindung musste der Empfänger eines Briefes das Geld für die Beförderung zahlen. Dies führte zu Problemen, weil arme Leute nicht immer genug Geld hatten, um den Brief anzunehmen.

Mehr als 160 Jahre ist es her, dass in Deutschland die erste Briefmarke in Umlauf kam: der Schwarze Einsler. Am 1. November 1849 kam sie heraus. Die Geschichte der Briefmarken beginnt aber in einem anderen Land.

Im 19. Jahrhundert konnte es teuer werden, einen Brief zu bekommen. Zu dieser Zeit musste nämlich der Empfänger die Post bezahlen. Deshalb wurde die Post oft ausgetrickst: Im Laufe der Zeit entwickelten die Schreiber und Empfänger immer ausgeklügeltere Systeme, um einfach nur bei der äußerlichen Betrachtung des Briefes geheime Botschaften auszutauschen (zum Beispiel durch kleine Kreuze oder Aufkleber auf den Briefumschlägen). Der anschließend zurückgewiesene Brief hatte so seinen Zweck erfüllt, allerdings ohne dass der Postbote dafür entlohnt wurde.

„Wir müssen das Postwesen ändern“, sagten sich die Briten – und erfanden die Briefmarke. Die Idee stammt von einem englischen Lehrer namens Rowland Hill. Die Tatsache, dass der Empfänger des Briefes das Porto für seinen Brief bezahlen sollte, gefiel ihm nicht. Besonders ärgerte er sich darüber, wenn er einen uninteressanten Brief bekam. So schrieb er eines Tages einen Brief an den Generalpostmeister von England. Sein Vorschlag: Der Absender soll für die Beförderung bezahlen – und zwar bevor der Brief verschickt wird. Damit jeder sehen konnte, dass der Brief bezahlt war, wurde eine Quittung auf den Brief geklebt – an den Postschaltern sollte man kleine Papierblättchen verkaufen.

Am 6. Mai 1840 kam in England die erste Briefmarke der Welt heraus. Sie zeigte die englische Königin Victoria.

Die Idee des Schullehrers eroberte alle Länder. Im Jahre 1842 verkaufte man Briefmarken in Amerika, im nächsten Jahr – in der Schweiz. 1949 wurde Rowland Hill zum Generalpostmeister von England ernannt.

Briefmarken erzählen Geschichten. Die Motive zeigen berühmte Persönlichkeiten, Sehenswürdigkeiten oder erinnern an bedeutende Ereignisse. Millionen von Menschen auf der ganzen Welt sammeln Briefmarken – sogar die englische Königin Elizabeth II. Dabei gilt: Eine Briefmarke, die es sehr selten gibt, ist auch sehr teuer.

Die „Tre Skilling Banco“ aus Schweden ist mit rund zwei Millionen Euro die teuerste auf der Welt. Es gibt sie nur einmal. Auch Marken mit Fehlern sind wertvoll. So ein Exemplar ist die berühmte „Blaue Mauritius“. Die hat 1847 ein Uhrmacher gedruckt. Statt „post paid“ für „Gebühr bezahlt“ schrieb er aber „post office“ für „Postamt“ auf die Marke. Der arme Mann wurde damals sicher bestraft. Heute wird seine Marke für viel Geld gehandelt.

DAS UNUGUNU VON IRINA KORSCHUNOW

Ich will etwas aufschreiben, den Bericht vom Unugunu, wie es gekommen ist, was es mit uns gemacht hat und wie wir es wieder losgeworden sind.

Das Unugunu ist an einem Sonntag zu uns gekommen. Wir saßen beim Kaffee, mein Vater, meine Mutter, mein Opa und ich. Es gab Streuselkuchen, und wir sahen einen Western, und gerade, als der Verbrecher heimlich fliehen wollte, klingelte es.

„Sieh nach, wer da ist, Eddi“, sagte meine Mutter, und ich tat, als hätte ich nichts gehört, weil der Western so spannend war.

„Du sollst nachsehen“, sagte meine Mutter, und ich tat, als hätte ich nichts gehört, weil der Western so spannend war.

„Du sollst nachsehen“, sagte meine Mutter noch einmal. Ich rannte über den Flur und riss die Tür auf.

Da sah ich das Unugunu.

Natürlich wusste ich noch nicht, dass es ein Unugunu war. Ich bekam nur einen Schreck. Ich hatte an Frau Berg von nebenan gedacht, und nun stand da so ein Ding, das aussah wie ein bläulicher Luftballon, auch nicht viel größer, mit Kopf und Armen und Beinen. Hätte ich ihm nur gleich einen Tritt gegeben! Aber tu das mal, wenn plötzlich ein Luftballon mit Beinen vor dir steht! Das Ding watschelte an mir vorbei ins Wohnzimmer, und ich war froh, dass mein Vater dort drinnen saß. Meinem Vater nämlich durfte keiner dumm kommen. Unser Hausmeister traute sich früher nicht mal, ihn anzumeckern, wenn ich im Hof Fußball gespielt hatte, und der meckert sonst jeden an. Ich war sicher: Mein Vater, der hat Mumm, der wird es diesem Luftballon schon zeigen!

Aber mein Vater tat gar nichts. Er starrte das Ding bloß an. Auch meine Mutter starrte es an, und mein Opa. Alle schwiegen, nur unser Wellensittich zwitscherte. Und dann passierte es: Das Ding blies sich auf. Es wurde größer und größer, größer als mein Vater, so groß wie der Schrank links an der Wand, ein riesengroßer Luftballon mit Kopf und Armen und Beinen. Im Kopf saßen ein Mund und zwei Augen. Sie waren klein und blank wie Glasknöpfe, und mit diesen Augen blickte es von einem zum andern, auf mich, auf meine Mutter, auf meinen Opa, auf meinen Vater.

„Ich bin ein Unugunu“, schnarrte es.

„Um Himmels willen!“, schrie meine Mutter und fuhr hoch, und mein Vater machte ein Gesicht, als hätte er drei Steine auf den Kopf bekommen. So hat er noch nie ausgesehen, nicht mal, als unser Auto geklaut worden ist. „Was wollen Sie?“, rief er. „Was wollen Sie von uns?“

Er sagte ‚Sie‘ zu diesem Unugunu, das hat mich gleich gewundert. Das Unugunu hob einen Arm, so einen dicken, aufgeblasenen Wurstart. „Fernsehen abstellen! Hinsetzen! Mund halten!“, schnarrte es laut, und vor Schreck bin ich gleich zum Fernseher gerast. Das war vielleicht eine Stimme! Unser Hausmeister, der spricht, als ob er eine Kehle aus Blech hat. Aber gegen das Unugunu ist das direkt Watte. Ich brauche mich nur an die Unugunustimme zu erinnern, dann bekomme ich jetzt noch Angst. Wenn der Kerl bloß verschwindet, dachte ich, wenn Papa es bloß rausschmeißt. Ich schielte zu meinem Vater hin. Er saß in seinem Sessel, hatte die Hände auf den Knien, und sein Gesicht war weiß. Dafür kam meine Mutter in Fahrt. Meine Mutter kann nämlich ganz schön in Fahrt kommen.

Meistens ist sie gemütlich, nur zu viel ärgern darf man sie nicht, dann wird sie wild.

„Was fällt Ihnen ein?“, fauchte sie das Unugunu an. „Machen Sie, dass Sie verschwinden. Das ist unsere Wohnung. Die Polizei ...“

Weiter kam sie nicht, denn mein Vater hielt ihr den Mund zu. „Bist du verrückt geworden?“, zischte er und zeigte auf das Unugunu. Da sah ich es: Aus dem Mund kamen kleine, gelbliche Wolken, ähnlich

wie die Ringe, die mein Vater manchmal beim Rauchen macht. Gleichzeitig fing es an, ekelhaft zu stinken. Meine Mutter stieß einen Schrei aus. „Bitte nicht“, jammerte sie. „Hören Sie auf. Denken Sie doch an das Kind. Wir tun ja alles, was Sie wollen.“

„Sehr gut“, schnarrte das Unugunu. „Sehr vernünftig. Der Alte soll aufstehen.“ Mit dem Alten meinte es meinen Opa. Er saß in seinem Ohrenbackensessel und verstand kein Wort. Er ist nämlich schwerhörig.

Mein Vater zerrte ihn aus dem Sessel. „Komm, geh aufs Sofa“, rief er ihm ins Ohr. „Der Herr Unugunu will hier sitzen.“

„Unu-gunu?“, stammelte mein Opa. „U-nu-gu-nu?“ Und er sah ebenfalls aus, als hätte er drei Steine auf den Kopf bekommen.

Das Unugunu ließ sich in den Ohrenbackensessel fallen. Dort saß es groß und aufgeblasen und schnarrte: „Kaffee, Kuchen, Schinkenbrot – bisschen dalli!“

Meine Mutter rannte in die Küche. Sie kam mit frischem Kaffee und einem Berg Streuselkuchen zurück. Schinkenbrote brachte sie auch, mit so viel Schinken, wie ich mir schon immer gewünscht habe. Das Unugunu fing an, sich vollzustopfen. Es fraß den ganzen Kuchen auf, und ich platzte beinahe vor Wut.

„Warum gibst du dem keinen Tritt in den Hintern?“, schrie ich meinen Vater an.

„Pst“, machte meine Mutter erschrocken. Das Unugunu lehnte sich zurück und schnarrte: „Erklärt es ihm.“

„Es ist ein Unugunu“, sagte mein Vater.

Das wusste ich inzwischen schon. Ich begriff nur nicht, warum man so ein Unugunu nicht in den Hintern treten durfte.

„Ein Unugunu ist gefährlich“, sagte mein Vater. „Wenn du schon groß wärst, wüsstest du das. Was ein Unugunu befiehlt, muss man tun.“

„Warum denn?“, fragte ich.

Mein Vater sah das Unugunu an. Es nickte, und mein Vater fuhr fort: „Weil es giftige Gase ausatmen kann. Du hast es doch selbst gesehen. Ein bisschen mehr, und wir alle sterben. Jeder Erwachsene weiß, dass man einem Unugunu gehorchen muss.“

„Und wenn man es totmacht?“, fragte ich, und meine Mutter zischte schon wieder „pst, pst“. Das Unugunu aber erhob sich. Es stand in seiner ganzen Größe vor uns und schnarrte: „Ein Unugunu kann man nicht töten. Ein Unugunu ist unsterblich.“ Mein Vater nickte. „Das stimmt“, sagte er.

Von da an hatten wir das Unugunu auf dem Hals. Es befahl uns, was wir tun sollten, und wir machten, was es wollte. Vor allem wollte es fressen und saufen. Es fraß von morgens bis abends, Wurstbrote, Schweinebraten, Buttercremetorte, Spaghetti, Würstchen, Suppe, Rouladen, Speckei. Meine Mutter stand den ganzen Tag in der Küche, und weil sie nach einer Woche kein Wirtschaftsgeld mehr hatte, holte mein Vater alles, was wir gespart hatten, von der Sparkasse. Über viertausend Mark! Nur, damit wir das Unugunu füttern konnten!

Aber das mit dem Geld war noch nicht das Schlimmste. Viel schlimmer war, was wir sonst tun mussten.

Es fing gleich am ersten Sonntag an. Zwei Stunden, nachdem das Unugunu gekommen war, klingelte es.

„Zuhören“, schnarrte das Unugunu, „aufpassen!“ Und es befahl meiner Mutter, zu dem Besuch an der Tür: „Geh weg, dummer Mensch!“ zu sagen.

„Nein!“, rief meine Mutter. „Das kann ich nicht.“

„Verstanden?“, schnarrte das Unugunu und blies ein gelbes Wölkchen in die Luft. Da ging meine Mutter. Ich ging mit und sah zu, wie sie die Tür öffnete. Draußen stand Onkel Peter.

„Tag, Hilde“, sagte er und wollte hereinkommen.

Meine Mutter stellte sich auf die Schwelle. „Geh weg, dummer Mensch“, sagte sie laut und deutlich. Dann schlug sie die Tür zu und fing an zu heulen. Onkel Peter ist ihr Bruder. Wir freuen uns immer, wenn er kommt, ich auch, weil er beim Quartettspielen so viele Witze macht. Jetzt waren wir ihn bestimmt für immer los. Ich hatte solche Wut, dass ich am liebsten Pfeil und Bogen geholt und dem Unugunu eins in den Luftballonbauch gebrannt hätte. Aber das ging nicht, wegen dem Giftgas. So dachten wir. Deshalb musste meine Mutter zu jedem, der bei uns klingelte, „Geh weg, dummer Mensch!“ sagen. Es war schrecklich. Nach drei Tagen hatte sie zu zwei von ihren Freundinnen, zu drei Frauen aus dem Haus, zu einem Hausierer, vier Vertretern und drei Kindern, die mit mir spielen wollten, „Geh weg, dummer Mensch“ gesagt. Danach guckte uns niemand mehr an. Der Hausmeister spuckte aus, als er meinen Vater traf, und mein Vater musste es sich gefallen lassen. Denn von dem Unugunu durften wir keinem Menschen etwas sagen. Am ersten Montag, als mein Vater zur Arbeit und ich zur Schule ging, hatte es geschnarrt: „Wenn jemand verrät, dass ich hier bin, bekommen die Frau und der Alte Giftgas. Verstanden?“ Da wussten wir, dass wir schweigen mussten.

In der Schule konnte ich nicht aufpassen. Immer wieder überlegte ich, ob ich einfach von zu Hause wegbleiben sollte. Aber dann würden die Leute fragen, warum, und womöglich würde die Polizei bei meinen Eltern klingeln. Und dann würde meine Mutter „Geht weg, dumme Menschen“ sagen, und die Polizei die Wohnung stürmen, und das Unugunu meine Mutter und meinen Opa vergiften. Nein, ich konnte nicht weglaufen. Ich musste mittags nach Hause gehen und mich ins Wohnzimmer setzen. Jeder, der zu Hause war, musste dort sitzen. Das Unugunu erlaubte nicht, dass zwei von uns allein waren und miteinander sprechen konnten. Deshalb sprachen wir überhaupt nicht mehr miteinander. Wir sahen auch nicht mehr fern. Wir saßen nur da. Und abends musste mein Vater Briefe schreiben, an seinen Chef, an den Vorsitzenden von seinem Verein, an alle möglichen Leute. In den Briefen musste er Kollegen und Freunde verpetzen, dass sie faul waren, dass sie schlecht über den Chef sprachen und solche Sachen. Davon wurde mein Vater ganz gelb im Gesicht, und falls ihn doch mal einer von uns anredete, brüllte er gleich los. Ich kroch meistens in die Ecke neben dem Schrank. Dort hockte ich und machte mich ganz klein, und das Unugunu kümmerte sich nicht um mich. Ich hoffte schon, es hätte mich vergessen. Aber das war ein Irrtum.

Eines Mittags nämlich fing es an, mit seinen Knopfaugen in meine Richtung zu starren. Nach einer Weile stand es auf und ging ans Fenster. „Herkommen“, befahl es mir. „Rausgucken. Wer ist unten?“

„Kurti“, sagte ich.

„Runtergehen“, schnarrte das Unugunu.

„Kurti verprügeln.“

Ich dachte, ich höre nicht richtig. Kurti ging noch nicht mal zur Schule. Er war klein und dünn und spielte unten im Hof Schaffner, mit so einer blauen Mütze auf dem Kopf. Den konnte ich doch nicht einfach verprügeln.

„Runtergehen“, wiederholte das Unugunu. „Kurti verprügeln. Sonst kriegen die Frau und der Alte Giftgas. Bisschen dalli.“

Mein Opa war zum Glück schwerhörig. Aber meine Mutter hatte das Unugunu verstanden. Sie sah mich an, und ich wusste, was sie dachte. Hoffentlich tut er's, dachte sie. Ausgerechnet meine Mutter, die mir immer gepredigt hat, dass man Kleinere und Schwächere beschützen muss. Damals hat sie das bestimmt auch so gemeint. Meine Mutter hat keine Sprüche gemacht. Und jetzt wollte sie, dass ich Kurti verprügele, bloß wegen diesem verdammten Unugunu. Und ich bin 'runtergelaufen und habe es getan.

So ging es uns mit dem Unugunu, und niemand hatte eine Ahnung, wie lange noch. Meine Mutter kochte und heulte, mein Vater wurde immer gelber, doch das nützte gar nichts. Wer weiß, was das Unugunu noch mit uns gemacht hätte, wenn mein Opa nicht gewesen wäre, mein Opa und sein Ohrenbackensessel.

Mein Opa war damals schon über achtzig. Seit einem Jahr funktionierte sein Kopf nicht mehr richtig. Er vergaß eine Menge, und manchmal wusste er nicht, wo er war. Aber früher hat sein Kopf sehr gut funktioniert. Früher konnte mein Opa mir alles erklären, sogar, wie die Erde entstanden ist. Als ich klein war, hat er mir Geschichten erzählt, und jeden Tag ist er mit mir zum Bahnhof gegangen, weil ich so wild auf Züge war. Später hat er mir Radfahren und Schlittschuhlaufen beigebracht, und Eis hat er mir massig gekauft. Meinem Opa sollte keiner etwas tun, auch nicht das Unugunu. Ich ärgerte mich schwarz, dass es ihm seinen Ohrenbackensessel weggenommen hatte. Dabei sah er selbst gar nicht ärgerlich aus. Ganz ruhig saß er auf dem Sofa und schimpfte kein einziges Mal. Drei Wochen lang! Aber in der vierten Woche, als das Unugunu aus dem Fenster guckte, stand er plötzlich auf, nahm seine Kaffeetasse und setzte sich in den Ohrenbackensessel. Wahrscheinlich hatte er das Unugunu vergessen.

Meine Mutter versuchte, ihn wieder herauszuziehen, und mein Opa fing an zu schimpfen. „Das ist mein Sessel“, schimpfte er. „Lass mich in Ruhe.“

„Das Unugunu muss doch darin sitzen“, jammerte meine Mutter.

„Unugunu? Wer ist das?“, fragte mein Großvater, und das Unugunu drehte sich um. Langsam kam es näher. Es stellte sich neben den Sessel, nahm die Tasse und schüttete meinem Opa den Kaffee ins Gesicht. „Weg mit dem Alten“, schnarrte es. „Einsperren. Nichts zu essen.“

Mein Opa fing an zu weinen. Seitdem sein Kopf nicht mehr richtig funktionierte, weinte er öfter. Ich konnte nicht hören, wenn mein Opa weinte, und ich bekam eine fürchterliche Wut. Auf dem Schreibtisch stand ein Aschenbecher, ein dicker, schwerer Aschenbecher aus Metall. Den nahm ich und schmiss ihn auf das Unugunu. Es gab einen Knall, peng, als ob ein Luftballon zerplatzt. Das Unugunu sackte zusammen. Aus dem Loch in seinem Bauch zischten gelbliche Wolken. „Das Gas!“, schrie meine Mutter. Wir packten meinen Opa, rannten in die Küche und rissen das Fenster auf. Wir zitterten alle, auch ich, und dachten, jetzt müssen wir sterben.

Nach einer Weile schlich ich zur Wohnzimmertür und sah durch das Schlüsselloch. Das Unugunu lag wie eine zerplatzte Luftballonhaut am Boden, und in dem Vogelbauer zwitscherte der Wellensittich. Er zwitscherte so laut wie immer und genauso vergnügt. Da merkten wir, dass uns das Unugunu an der Nase herumgeführt hatte. Es war nicht unsterblich, und die Wolken, die aus ihm herauskamen, waren nicht giftig. Es war nur ein aufgeblasener Popanz gewesen, weiter nichts. Abends, als mein Vater kam, war von dem Unugunu nichts mehr da.

Das alles ist jetzt schon ein paar Jahre her. Aber richtig froh sind wir nie wieder geworden. Unsere Nachbarn und Freunde vergessen nicht, dass meine Mutter „Geh weg, dummer Mensch“ zu ihnen gesagt hat. Die Petzbriefe vergessen sie erst recht nicht, und meine Eltern verraten niemandem, dass das Unugunu sie zu allem gezwungen hat. Sie haben Angst, dass es noch mehr Unugunus geben könnte.

„Womöglich kommt wieder eins zu uns, um Rache zu nehmen“, sagen sie. „Und vielleicht ist das nächste wirklich mit giftigem Gas gefüllt. Man kann nie wissen.“

Doch ich glaube nicht daran. Ein Unugunu stinkt, aber giftig ist es nicht. Man muss ihm nur rechtzeitig einen Tritt geben. Und deshalb habe ich diesen Bericht aufgeschrieben. Ich finde, einer muss es tun.